

The image shows the front cover of a book. The cover is a dark blue color with a fine, woven texture. It features an ornate, embossed border with decorative scrollwork at the corners and midpoints. In the center of the cover, there is a small, rectangular label with rounded corners and a decorative border. The label is light-colored and contains the name "H. Frost" written in a cursive, handwritten style.

H. Frost

Николай Васильевич Гоголь

Том 4. Ревизор (Полное собрание сочинений в четырнадцати томах #4)

В четвертый том входит пьеса "Ревизор" и тексты, непосредственно связанные с "Ревизором"

В данной электронной редакции опущены разделы "Другие редакции" и "Варианты".

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

#1	0005
Ревизор	0006
#1	0006
Действие первое	0011
Действие второе	0037
Действие третье	0061
Действие четвертое	0090
Действие пятое	0132
Явление последнее	0158
Приложения к «Ревизору»	0160
Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору	0160
Две сцены, выключенные, как замедлявшие течение пьесы	0171
Позднейшие приложения	0178
Комментарии	0234
#1	0234
Иллюстрации	0321
Выходные данные	0322

Николай Васильевич Гоголь
Полное собрание сочинений
в четырнадцать томах
Том 4. Ревизор

Н. В. Гоголь. Карандашный рисунок А. А. Иванова 1845–1846 гг. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ревизор

*На зеркало неча пенять,
коли рожа крива.
Народная пословица.*

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский,
городничий.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемиий Филипович Земляника, попечитель богоугодных заведений.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер.

Петр Иванович Добчинский,

Петр Иванович Бобчинский, городские помещики.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

*Федор Андреевич Люлюков,
Иван Лазаревич Растаковский,
Степан Иванович Коробкин,* отставные чиновники, почетные лица в городе.

Степан Ильич Уховертов, частный пристав.

*Свистунов,
Пуговицын,
Держиморда,* полицейские.
Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.
Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гости, купцы, мещане, просители.

Характеры и костюмы Замечания для гг. актеров

Городничий, уже постаревший на службе и очень не глупый, по-своему, человек. Хотя и взяточник, однако ведет себя очень солидно; довольно сурьёзен; несколько даже резонер; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого, начавшего тяжелую службу с низших чинов. Пере-

ход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет по обыкновению в своем мундире с петлицами и в ботфортах со шпорами. Волоса на нем стриженные с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполчину на романах и альбомах, вполчину на хлопотах в своей кладовой и девичьей. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем, потому только, что тот не находится что отвечать ей. Но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пиесы.

Хлестаков, молодой человек, лет 23-х, тоненькой, худенькой; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове. Один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из

уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно; смотрит несколько вниз, резонер и любит самому себе читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить, и молча плут. Костюм его серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и *Добчинский*, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга. Оба с небольшими брюшками. Оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. *Добчинский* немножко выше, сурьезнее *Бобчинского*, но *Бобчинский* развязнее и живее *Добчинского*.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколь-

ко вольнодумен. Охотник большой на догадки и потому каждому слову своему дает вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек; но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся пред глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумленья должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Действие первое

Комната в доме городничего.

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие. К нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филипович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот-те на!

Артемий Филипович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое по-

лучил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филипович, знаете. Вот что он пишет: „Любезный друг, кум и благодетель“ (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... „и уведомить тебя“. А! вот: „Спешу между прочим уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки... “ (*остановясь*) ну, здесь свои... „то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякой час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я... “ Ну, тут уж пошли дела семейные: „сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и всё играет на скрипке... “ и прочее и прочее. Так вот какое обстоятельство.

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно.

Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение богу, подбирались к другим городам. Теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватили! Еще и умный человек. В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... Вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредомил. — Смотрите! по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филипович. Без сомнения, проезжающий чиновник

захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филипович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по-латыне или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь, когда кто заболел, которого дня и числа... Не хорошо, что у вас больные такой крепкой табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению, или к неискусству врача.

Артемий Филипович. О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъяс-

няться — он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издает звук, отчасти похожий на букву: *ц*, и несколько на: *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводится всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь, и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах,

как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода — это тоже не хорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и волтерьянцы напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам рознь. Я говорю всем открыто, что беру взят-

ки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим, всё взятки.

Аммос Федорович. Ну, нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль.

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? зато вы в бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди конечно ученые и вос-

питывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись, чтобы, взошедши на кафедру, не сделать гримасу. Вот этак (*делает гримасу*). И потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику делает такую рожу, то оно еще ничего, может быть оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого чорт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на-днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он уче-

ная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар. Ей богу! сбежал с кафедры и, что силы есть, хватъ стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч; я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: как хотите. Для науки я жизни не пощажу.

Городничий. Да. Таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи бог служить по ученой части, всего боишься. Всякой мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего. Инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: а вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья? — Ляп-

кин-Тяпкина. А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений? — Земляника. А подать сюда Землянику! Вот что худо.

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну что? как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то — не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антоныч?

Городничий. Да что я? страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. — Я даже думаю

(берет его под руку и отводит в сторону), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ре-визор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, так немножко распечатать и прочесть: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то, чтоб из предосторожно-

сти, а больше из любопытства, — смерть люблю узнать, что́ есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение! иное письмо с наслажденьем прочтешь. Так описываются разные пассажи... а назидательность какая... Лучше, чем в Московских Ведомостях!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет; а о костромских и саратовских много говорится. Жаль однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: „Жизнь моя, милый друг, течет, — говорит, — в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет“... с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадетя жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы. У меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шашть...

Явление III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: прихо-

дим в гостинницу...

Бобчинский (перебивая). Приходим с Петром Ивановичем в гостинницу...

Добчинский (перебивая). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей богу припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу. Не мешайте! скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул! *(Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.)* Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я всё по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с — так я тогда же забежал... Уж пожалуста, не перебивайте, Петр Иванович. Я уж всё, всё, всё знаю-

с. — Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (перебивая). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да встретившись с Петром Ивановичем и говорю ему: слышали ли вы о новости, которую получил Антон Антонович из достоверного письма. А Петр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филипу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский (перебивая). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (отводя его руки). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... ентого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: зай-

дем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение... да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим. — Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (перебивая). Недурной наружности, в партикулярном платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки... и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: здесь что-нибудь не проста-с. Да. А Петр-та Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкой мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: кто, говорит, этот молодой человек; а Влас и отвечай на это: Это, говорит... — Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста не перебивайте; вы не расскажете, ей богу, не расскажете, вы пришипетываете; у вас, я

знаю, один зуб во рту со свистом... это, говорит, молодой человек чиновник, да-с, едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает всё на счет и ни копейки не хочет платить. Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. Э! говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: Э.

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. Э! сказали мы с Петром Ивановичем. А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию? — Да-с! А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить notiцию, ревизор.

Городничий (в страхе). Что вы, господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет, кому же б быть, как не ему? и подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей богу, он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да. Так он и в тарелки к нам заглянул. Такой осмотрительный, меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас грешных! где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Городничий. Две недели! *(В сторону.)* Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники! в эти две недели высечена унтер-офицерская жена! арестантам не выдавали провизии. На улицах кабак, нечистота. Позор! поношенье! *(Хватается за голову.)*

Артемий Филипович. Что ж, Антон Антонович, ехать парадом в гостинницу.

Аммос Федорович. Нет, нет. Вперед пустить

голову, духовенство, купечество; вот и в книге: Деяния Иоанна Масона...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал; авось бог вынесет и теперь. *(Обращаясь к Бобчинскому)*

Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый чорт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Ей, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом, или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

(Квартальный бежит впопыхах.)

Артемию Филипович. Идем, идем, Аммос Федорович. В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филипович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? а если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда, а что неправда. (*Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.*)

Явление IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский и квартальный.

Городничий. Что, дрожки там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, стой! ступай принеси... да другие-то где?

неужели ты только один? ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (хватаясь за голову). Ах, боже мой, боже мой! ступай скорее на улицу, или нет, беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем.

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович.

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! неловко, да и в дрожки не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та в дверь эдак посмотреть, как у него эти поступки...

Городничий (принимая шпагу к квартальному). Беги сейчас, возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет... Эх шпага как

исцарапалась! проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице, — чорт возьми, по улице! — по метле, и вымели бы всю улицу, что идет к трактуру, и вымели бы чисто. Слышишь. Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, — смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? он тебе на мундир дал два аршина сукна; а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! ступай!

Явление V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич, скажите ради бога, куда вы запропалились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали.

вали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе.

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планировку. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой, я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный народ: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор, чорт их знает откуда и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)*

Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли — чтобы говорили: всем довольны, ваше благородие, а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен (*берет вместо шляпы футляр*), дай только боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бес-тию купца наложу доставить по три пуда воску. О, боже мой, боже мой! едем, Петр Иванович! (*Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.*)

Частный пристав. Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий (бросает ее). Коробка так коробка. Чорт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь позабывшись сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он

для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович (*уходит и возвращается*). Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнизана наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет. (*Все уходят.*)

Явление VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, боже мой...

(*Отворяя дверь.*) Муж! Антоша! Антон! (*Говорит скоро*) а всё ты, а всё за тобой. И пошла копать: „я булавочку, я косынку“ (*подбегает к окну и кричит:*) Антон, куда, куда? что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка.

Анна Андреевна. После? вот новости после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? (*С пренебрежением.*) Уехал. Я тебе вспомню это! А всё эта: „маминька, маминька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас“. Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! а всё проклятое кокетство, услышала, что почтмейстер здесь, и давай пред

зеркалом жеманиться: и с той стороны и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маминька? всё равно: чрез два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Чрез два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом. Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! *(Свешивается в окно.)* Эй, Авдотья! А! что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то... Не слышала? глупая какая! Машет руками? пусть машет, а ты всё бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! в голове чепуха, всё женихи сидят. А? скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побегги, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь! подсмотри в щелку и узнай всё, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь! Скорее, скорее, скорее, скорее. *(Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих,*

стоящих у окна.)

Действие второе

Маленькая комната в гостиннице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постеле.

Чорт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не доедем да и только домой! что ты прикажешь делать? второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя. (*Дразнит его:*) „Эй, Осип, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед“. Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой. С проезжающим знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! право, на деревне лучше: оно

хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и всё, что хочешь. Разговаривает всё на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: „Почтенный!“; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагери и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот, как на ладони, всё видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! *(Усмехается и трясет головою.)* Галантерейное, чорт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой тебе говорит вы. Наскучило идти — берешь извозчика, и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в дру-

гой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Чтò с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через неделю — глядь и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка, ей богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать, а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин. Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи; вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* А, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи. Кажись, так бы теперь весь свет съел.

Стучится, верно это он идет. (*Поспешно схватывается с постели.*)

Явление II

Осип и **Хлестаков**.

Хлестаков. На, прими это (*отдает фуражку и тросточку*). А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? не знаю я разве, что такое кровать? у меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков (*ходит по комнате*). Посмотри там в картузе, табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку! вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков (*ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом*). Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так, всё равно хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать. Вот еще вздор!

Осип. Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Выде с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, таких широмыжников и подлецов видали.

Хлестаков. А ты так уж и рад, скотина, мне всё это сейчас пересказывать.

Осип. Говорит: этак всякой приедет, обжигается, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую да в тюрьму.

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно. Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к

вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? ты поди сам скажи.

Осип. Да право, сударь...

Хлестаков. Ну ступай, чорт с тобой! позови хозяина.

(Осип уходит.)

Явление III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть. Так немножко прошелся; думал, не пройдет ли аппетит, — нет, чорт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня. Штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и всё обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишка! В овощных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подлю. *(Насвистывает сначала из Роберта, потом:*

„Не шей ты мне матушка“, а наконец ни сё, ни то.) Никто не хочет идти.

Явление IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно.

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостиннице? хорошо ли всё идет?

Слуга. Да, слава богу, всё хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так пожалуста поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил: „я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее“. Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он думает, что как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

Явление V

Хлестаков один.

Это скверно однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать. Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал на прокат кареты, а хорошо бы, чорт побери, приехать домой в карете, подкатить эдаким чортом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: „кто такой, что такое?“, а лакей, золотая ливрея, входит (*вытягиваясь и представляя лакея:*) „Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?“ Они, пентюхи, и не знают, что такое

значит „прикажете принять“. К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: „Сударыня, как я... “ (*потирает руки и подшаркивает ножкой*). Тьфу (*плюет*), даже тошнит, так есть хочется.

Явление VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле). Несут! несут! несут!

Слуга (с тарелками и салфеткой). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет! я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уже нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? отчего же я, чорт возьми, не могу так же? разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать; *(наливает суп и ест)* что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вку-

са нет, только воняет. Я не хочу этого супа, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков (защищая рукою кушанье). Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(продолжает есть)* я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супа. Какие-то перья плавают вместо масла *(режет курицу)*. Ай, ай, ай, какая курица!.. дай жаркое! там супу немного осталось, Осип, возьми себе.

(Режет жаркое.) Чтò это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Чорт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. *(Ест.)* Мошенники, каналы, чем они кормят? и челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд, мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

Явление VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип (входит). Там чего-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков (испугавшись). Вот тебе на! Эка bestия трактирщик, успел уже пожаловаться. Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? если благородным образом, я пожалуй... нет, нет, не хочу. Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... нет, не хочу. Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? (Бодрится и выпрямливается.) Да я ему прямо скажу: как вы смеете, как вы?.. (У дверей вертится ручка; Хлестаков бледнеет и

съёживается.)

Явление VIII

Хлестаков, *городничий и Добчинский.*

(Городничий вошел останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза).

Городничий (немного оправившись и протянув руки по швам). Желая здравствовать!

Хлестаков (кланяется). Мое почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко). Да что ж делать!.. я не виноват... я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни. (Бобчинский выглядывает из дверей.) Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня мори́л голодом по целым дням... Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж

я... Вот новость!

Городничий (робея). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу. Я знаю, что значит на другую квартиру: то-есть в тюрьму. Да какое вы имеете право. Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге.

(Гордо) Я, я, я...

Городничий (в сторону). О, господи ты боже, какой сердитый! всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (храбрясь). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! *(Стучит кулаком по столу.)* Что вы! что вы...

Городничий (вытянувшись и дрожа всем телом). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу. Вот еще! мне ка-

кое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно! (*Бобчинский выгладывает в дверь и в испуге прячется.*) Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (дрожа). По неопытности, ей богу по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить, казенного жалованья нехватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей богу, клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покушаться.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них.

(*В размышлении.*) Я не знаю однако ж, зачем вы говорите о злодеях; или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеее высечь. До этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет! Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (в сторону). О тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с которой стороны и приняться. Ну, да уж попробовать не куды пошло! что́ будет, то́ будет. Попробовать наавось.

(Вслух.) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы; я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести, или хоть даже и меньше.

Городничий (поднося бумажки). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (принимая деньги). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни, у меня это вдруг... я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий (в сторону). Ну слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему, вместо двухсот, четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип! *(Осип входит.)* Позо-

ви сюда трактирного слугу! (*к городничему и Добчинскому*) а что ж вы стоите? сделайте милость, садитесь; (*Добчинскому*) садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие; а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня...

(*Добчинскому*) Садитесь! (*Городничий и Добчинский садятся, Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.*)

Городничий (в сторону). Нужно быть по-смелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший при-

ем; и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (в сторону). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить! *(Вслух)* Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение). В Саратовскую губернию! А? И не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. *(Вслух)* Благое дело изволили предпринять... Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей. А ведь с другой стороны развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого по-

толкаться в канцелярию.

Городничий (в сторону). Прошу посмотреть, какие пули отливает! И старика отца приплел! *(Вслух)* И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (в сторону). Славно завязал узелок! Врет, врет и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенькой. Кажется, ногтем бы придавил его. Ну да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух)* Справедливо изволили заметить. Чтó можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще, когда будет. *(Окидывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра.

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки,

кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость, и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно... Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать — почитать, или придет фантазия сочинить что-нибудь; не могу — темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей богу от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в частном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особенно если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне: преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Явление IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом. Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уже не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак! еще начал высчитыв-

вать. — Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождет.

(Слуге) Пошел вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. *(Прячет деньги. Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.)*

Явление X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие.

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов. *(Бобчинский выставляет голову в дверь.)*

Городничий. Также если будет ваше желание оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы, — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (Добчинскому). Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (тихо Добчинскому). Слушайте: вы побегите, да бегом во все лопатки, и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене.

(Хлестакову) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же... А впрочем, тут и чернила, только бумаги не знаю... Разве на этом счете.

Городничий. Я здесь напишу. *(Пишет и в то же время говорит про себя)* А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки-толстобрюшки! Да есть у нас губерн-

ская мадера, неказиста на вид, а слона пова-
лит с ног. Только бы мне узнать, что он такое
и в какой мере нужно его опасаться. *(Написав-
ши, отдает Добчинскому, который подходит
к двери, но в это время дверь обрывается, и
подслушивавший с другой стороны Бобчин-
ский летит вместе с нею на сцену. Все изда-
ют восклицания. Бобчинский подымается.)*

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-
нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с
помешательства, только сверж носа неболь-
шая нашлепка. Я забегу к Християну Ивано-
вичу, у него-с есть пластырь такой, так вот
оно и пройдет.

Городничий *(делая Бобчинскому укори-
тельный знак, Хлестакову)*. Это-с ничего. Про-
шу покорнейше, пожалуйста! а слуге вашему я
скажу, чтобы перенес чемодан. *(Осипу)*

Любезнейший, ты перенеси всё ко мне, к
городничему, тебе всякой покажет. Прошу по-
корнейше! *(Пропускает вперед Хлестакова и
следует за ним, но оборотившись говорит с
укоризной Бобчинскому)* Уж и вы! не нашли
другого места упасть! и растянулся, как чорт

знает что такое. (*Уходит; за ним Бобчинский. Занавес опускается.*)

Действие третье

Комната первого действия.

Явление I

Анна Андреевна, Марья Антоновна *стоят у окна в тех же самых положениях.*

Анна Андреевна. Ну вот, уж целый час дожидаемся, а всё ты с своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто бы вымерло всё.

Марья Антоновна. Да право, маминька, чрез минуты две всё узнаем. Уж скоро Авдотья должна придти. (*Всматривается в окно и вскрикивает*) Ах, маминька, маминька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? у тебя вечно какие-нибудь фантазии; ну да, идет. Кто ж это идет? небольшого роста... во фраке... кто ж это? А? это однако ж досадно! кто ж бы это таковой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, ма-

МИНЬКА.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? тебе всегда вдруг вообразится этакое! совсем не Добчинский. (*Машет платком.*) Эй вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маминька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот: нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маминька? видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу; из чего же ты споришь. (*Кричит в окно*) Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? да говорите же оттуда, всё равно. Что? очень строгой? А? а муж, муж? (*Немного отступя от окна, с досадою*) Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

Явление II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совестно ли вам? я на вас одних полагаюсь как на порядочного человека: все вдруг

выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! я у вас крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Мое почтение, Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович.

Анна Андреевна. Ну, что? ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да он кто такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну расскажите: что́, и как?

Добчинский. Да, слава богу, всё благополуч-

но. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово; да-с; сердился и говорил, что и в гостиннице всё не хорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме, но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменял мысли, и, славу богу, всё пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... а то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего бояться: ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну, что ж... это всё однако ж вздор; расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек: лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик. Извольте, говорит, я поеду: и туда, и туда... (*размахивает руками*) так это всё славно. Я, говорит, и написать и почитать люблю, но мешает, что в комнате, говорит, немножко

темно.

Анна Андреевна. А собой каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке:

(Читает.) „Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек... “ *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антон Антонович писали на черновой бумаге по скорости: там какой-то счет был написан.

Анна Андреевна. А да, точно *(продолжает читать):*

„но уповая на милосердие божие, кажется, всё будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в бого-

угодном заведении у Артемия Филиповича. А вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего; а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский... “ Ах боже мой! это однако ж нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский (бежит и кричит в дверь).
Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входит.)*

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. *(Садится к столу, пишет записку и между тем говорит:)* эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам поди сейчас приברי хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомоЙник и прочее.

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзревает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте, я не держу вас.

Явление III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам

нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка; боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмехал. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маминька, голубое! мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. право, говоришь лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше потому, что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вам нейдет палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо, а у меня глаза разве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму.

Марья Антоновна. Ах, маминька, вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пу-

стяжки! Я никогда не была червонная дама. (Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновой и говорит за сценою.) Эдакое вдруг вообразится! червонная дама! бог знает что такое!

(По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них сор. Из других дверей выходит Осип с чемоданом на голове.)

Явление IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемышное житье! на пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж это больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу

подняли.

Осип. Послушай, малой: ты, я вижу, проворный парень, приготовь-ка что-нибудь поесть.

Мишка. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово; простова блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простова-то, что у вас есть?..

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! ничего, всё будем есть. Ну, понесем чемодан! что, там другой выход есть?

Мишка. Есть. *(Оба несут чемодан в боковую комнату.)*

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу, городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга в плечах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нра-

вится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о своей то есть пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош. Я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артеми́й Филипович (подбегая). Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артеми́й Филипович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, ка-

жется, не много.

Артемий Филипович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, может быть вам покажется даже невероятным, все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность здешнего градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, всё идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но верите ли, что даже когда ложишься спать, всё думаешь: господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольно... Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж

мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филипович (в сторону). Эка, бездельник, как расписывает! дал же бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский (Добчинскому). Справедливо, всё справедливо, Петр Иванович. Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуста: нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (в сторону). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! *(Вслух)* Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно: и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку

из карт, да после того всю ночь снились проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них.

Лука Лукич (в сторону). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаков (раскланиваясь.) Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (рисуюсь.) Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так

изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкли жить, comparez vous, в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества. Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за всё...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня впрочем тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом. Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю. Нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: „Приходи, братец, обедать“. Я только на две минуты захожу в департамент с тем только, чтобы сказать: это вот так, это вот так, а там уж чиновник для письма, эдакая крыса, пером только: тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским ассессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною с щеткою: позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу. (*Городничему*)

Что вы, господа, стоите? пожалуста, садитесь!

Вместе Городничий. Чин такой, что еще можно постоять. *Артемий Филипович.* Мы стоим. *Лука Лукич.* Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться. (*Городничий и все садятся.*) Я не люблю церемонии. Напротив, я даже стараюсь всегда про-

скользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: „Вон“, говорят, „Иван Александрович идет!“ А один раз меня приняли даже за главнокомандующего, солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего.

Анна Андреевна. Скажите, как!

Хлестаков. Да меня уже везде знают. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: „Ну что, брат Пушкин?“ — „Да так, брат“, отвечает бывало: „так как-то всё“... Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? как это должно быть приятно сочинителю. Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих впрочем много есть сочинений: Женитьба Фигаро, Роберт Дьявол, Норма. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: „По-

жалуста, братец, напиши что-нибудь“. Думаю себе: пожалуй, изволь, братец! И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса, Фрегат Надежды и Московский Телеграф... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю стихи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и Юрий Милославский ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маминька, там написано, что это г. Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будет спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрий Милославский, так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой су-

ществую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всем)* Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы.

Хлестаков. Просто, не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякой день на балах. Там у нас и вист свой составился. Министр иностранных дел, французский посланник, немецкий посланник и я. И уж так уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж, скажешь только кухарке: „На, Маврушка, шинель“... Что ж я вру, я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница сто́ит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно ж, ж, ж... Иной раз и министр... *(Городничий и прочие с робостью*

встают с своих стульев.) Мне даже на пакетах пишут: ваше превосходительство. Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, куды уехал неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало: нет, мудрено. Кажется и легко на вид, а, рассмотришь — просто чорт возьми. Видят, нечего делать — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! каково положение, я спрашиваю? „Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!“ Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате; хотел отказаться, но думаю, дойдет до государя; ну, да и послужной список, тоже... „Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю“, говорю, „так и быть“, говорю, „я принимаю, только уж у меня: ни, ни-ни!.. уж у меня ухо остро! уж я...“ И точно, бывало: прохожу через департамент — просто землетрясение — всё дрожит, трясется, как лист. *(Городничий и прочие трясутся от страха; Хлестаков горячится силь-*

нее.) О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что, в самом деле? я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: я сам себя знаю, сам. Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Подскальзывается и чуть-чуть не шлепнул на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.)*

Городничий (подходя и трясясь всем телом, силится выговорить). А ва-ва-ва... ва.

Хлестаков (быстрым отрывистым голосом). Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва.

Хлестаков (таким же голосом). Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходитьство, не прикажете ли отдохнуть... вот и комната и всё, что нужно.

Хлестаков. Вздор: отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... я доволен, я доволен.

(С декламацией.) Лабардан! Лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

Явление VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский (Добчинскому). Вот это, Петр Иванович, человек-то. Вон оно что значит человек. В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-та совет как прижал. Пойдем, расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка! (оба уходят.)

Артемиий Филипович (Луке Лукичу). Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундире. Ну что, как проспится, да в Петербург махнет донесение.

(Уходит в задумчивости вместе с зрителем училищ, произнеся:) Прощайте, сударыня!

Явление VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах! милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и всё это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я однако ж ему очень понравилась: я заметила — всё на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маминька, он на меня глядел.

Анна Андреевна. Пожалуста с своим вздором подальше! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маминька, право.

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно. Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Андреевна. Право, маминька: всё смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один ка-

кой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. „А“, говорит себе: „дай уж посмотрю на нее“.

Явление IX

Те же и городничий.

Городничий (входит на цыпочках). Чш...
ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? *(Задумывается.)*

Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек всё несет наружу. Что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чорт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто, как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видела в нем образованного светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины. Всё кончено, одного этого слова достаточно! Вам всё — финтирлютки! Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое...
(*Посматривает на дочь.*)

Городничий (один). Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха.

(*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно всё завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенькой, тоненькой — как его узнаешь, кто он? Еще военный всё-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну, точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире. Заламливал такие аллегории и екивоки, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец

и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

Явление X

Те же и Осип. Все бегут к нему навстречу и кивают пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (жене и дочери). Полно, полно вам!

(Осипу.) Ну, что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю, хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (в сторону). А что говорить! коли теперь накормили хорошо, значит после еще лучше накормят. *(Вслух)*

Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенькой!

Анна Андреевна. А что, скажи пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте пожалуйста! Вы такими пустыми речами только мне мешаєте. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, боже мой, вы всё с своими глупыми расспросами! не дадите ни слова поговорить о деле. Ну, что, друг, как твой барин?.. строг? любит этак распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтобы всё было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твое лицо! друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой, там, в мундире ходит, или...

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие. Здесь нужная вещь. Дело идет о жизни человека... (*К Осипу*) ну, что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целко-

виков на чай.

Осип (принимая деньги). А покорнейше благодарю, сударь. Дай бог вам всякого здоровья; бедный человек, помогли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленькой носик у твоего барина!

Городничий. Да постоит, дайте мне!.. (к Осипу)

А что, друг, скажи пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его принимали хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей богу! бывало, заедем куда-нибудь: „Что, Осип, хорошо тебя угостили?“ „Плохо, ваше высокоблагородие!“ „Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин.“ „Ты, го-

ворит, напomini мне, как приеду“. — „А, думаю себе (*махнув рукою*), бог с ним! я человек простой“.

Городничий. Хорошо, хорошо и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (*прячет деньги*) разве уж выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне! тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина! (*Слышен из другой комнаты небольшой кашель Хлестакова.*)

Городничий. Чш! (*Поднимается на цыпочки. Вся сцена вполголоса.*) Боже вас сохрани шуметь! идите себе! полно уж вам...

Анна Андреевна. Пойдем, Машинька! я тебе скажу, что́ я заметила у гостя, такое, что нам вдвоем только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнешь. (*Обращаясь к Осипу*) Ну, друг...

Явление XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи стучат сапогами! так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас чорт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! *(закрывает ему рот)*. Эк как каркнула ворона! *(дразнит его)* был по приказанию! Как из бочки, так рычит! *(К Осипу)* Ну, друг, ты ступай приготавливай там, что нужно для барина. Всё, что ни есть в доме, требуй. *(Осип уходит.)* А вы — стоять на крыльце и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, то взащей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! *(показывает ногою)* слышите? чш... чш...

(Уходит на цыпочках вслед за квартальными.)

Действие четвертое

Та же комната в доме городничего.

Явление I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филипович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович (строит всех полукружьем). Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит и государственный совет распекает! Стройтесь. На военную ногу, непременно на военную ногу. Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут. (Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.)

Артемий Филипович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филипович. Ну известно, что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филипович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, чорт возьми, раскричится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие.

Артемий Филипович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте, эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует; чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается. Ну вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы, в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Артемий Филипович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь за-

вязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте.

Артемий Филипович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! смотрите, что выдумали. Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (пристают к нему). Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... Нет, Аммос Федорович, не оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович.

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа! *(В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выдти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания:)*

Голос Бобчинского. Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние, совсем прижали.

(Выхватываются несколько восклицаний: ай, ой! наконец все выпираются, и комната

остаётся пуста.)

Явление II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин; даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то, чтобы из интереса. А дочка городничего очень не дурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится такая жизнь.

Явление III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович (входя и останавливаясь, про себя). Боже, боже! вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. (Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу)

Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский асессор Ляпкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

Аммос Федорович. С 816-го был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно однако же быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру 4-й степени с одобрения со стороны начальства.

(В сторону) А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна 3-й степени уже не так.

Аммос Федорович (высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону) Господи боже, не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович (потерявшись и роняя на пол ассигнации). Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего. Я вижу, деньги упали?

Аммос Федорович (дрожа всем телом). Никак нет-с. *(В сторону)* О боже! вот уж я и под

судом! и тележку подвезли схватить меня.

Хлестаков (подымая). Да, это деньги.

Аммос Федорович (в сторону). Ну, всё кончено: пропал! пропал!

Хлестаков. Знаете ли что: дайте их мне взаймы...

Аммос Федорович (поспешно). Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. *(В сторону)* Ну смелее, смелее! вывози, пресвятая мать.

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да сё... впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить...

(Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.) Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я понимаю, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Аммос Федорович (раскланиваясь и уходя, в сторону). Ну, город наш!

Хлестаков (по уходе его). Судья хороший человек!

Явление IV

Хлестаков и почтмейстер (входит, вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу).

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

Хлестаков. А! милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну, что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (В сторону) А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь,

ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо.

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что́ нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (*Глядя в глаза ему, говорит про себя*)

А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы. (*Вслух*) Какой странный со мною случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*Встает, вытягивается и придержививает шпагу.*) Не смея более беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового

управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

(Почтмейстер раскланивается и уходит.)

Хлестаков (раскуривая сигарку). Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере услужлив; я люблю таких людей.

Явление V

Хлестаков и Лука Лукич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почти вслух: Чего робеешь?

Лука Лукич (вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу). Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим. Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукич (про себя в нерешимости). Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я куривал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки

потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите.

(Подает ему свечу.)

Лука Лукич пробует закурить и весь дрожит.

Хлестаков. Да не с того конца.

Лука Лукич *(от испуга выронил сигару, плюнул и махнув рукою, про себя)*. Чорт побери всё! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич *находится в совершенном недоумении, что сказать*.

Хлестаков. Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону)* Ну, и сам не знаю, что говорю.

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам ма-

ленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

Хлестаков. А! а! покраснели, видите, видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... преос... сият...

(В сторону) Продал проклятый язык, продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать; не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займа?

Лука Лукич (хватается за карманы, про себя). Вот-те штука, если нет! Есть, есть. *(Вынимает и подает, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич. Не смею долее беспокоить присутствием.

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич (летит вон почти бегом и говорит в сторону). Ну, слава богу! авось не за-

глянет в классы.

Явление VI

Хлестаков и Артемий Филипович, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемий Филипович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филипович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Хлестаков. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филипович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я, признаюсь, это моя слабость: люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филипович. Очень может быть. *(Помолчав.)*

Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается бли-*

же с своим стулом и говорит вполголоса) Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак, и поведения, если признаться пред вами, конечно для пользы отечества, я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, поведения самого предосудительного: здесь есть один помещик Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филипович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже

выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, эдак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? я всё позабываю.

Артемиий Филипович. Земляника.

Хлестаков. А, да, Земляника. И что ж, скажите пожалуйста, есть у вас детки?

Артемиий Филипович. Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите: взрослых! а как они... как они того?..

Артемиий Филипович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемиий Филипович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемиий Филипович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности... *(Раскланивается с тем, чтобы уйти.)*

Хлестаков (проводя.) Нет, ничего. Это всё очень смешно, что вы говорили. Пожалуста и

в другое тоже время... Я это очень люблю. (Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему:) Ей вы! как вас? я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филипович. Артемий Филипович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филипович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег займа рублей четыреста?

Артемий Филипович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Явление VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын, Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын, Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (Вдруг и отрывисто) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков (громко и скоро). Взаимы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется. Потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (шаря в карманах.) У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (смотря в бумажник). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то верно как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

Хлестаков. Ну, всё равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это всё равно. *(Принимает деньги.)*

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоя-

тельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем то есть законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... всё это будет сделано, да, да. (*Обращаясь к Бобчинскому*) Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего. Мне очень приятно. *(Выпровождают их.)*

Явление VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки. Пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип! подай мне бумагу и чернила! *(Осип выглянул из дверей, произнесши: сейчас.)* А уж Тряпичкину точно, если кто попадет на зубок, — берегись, отца родного не пощадит для словца и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди: это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитан! ну-ка, попадиська ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Хлестаков и Осип, с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают! *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава богу! только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей богу уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! неровен час: какой-нибудь другой наедет. Ей богу, Иван Александрович! а лошади тут славные: так бы закатали!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет. Мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей богу поедем, Иван Александрович. Оно хоть и большая тут честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее... Ведь вас, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будет гневаться за то, что так замешкались... так бы, право, закатали славно! а лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков *(пишет)*. Ну хорошо. Отнеси

только наперед это письмо, пожалуй вместе и подорожную возьми. Да зато смотри, чтоб лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря катили! и песни бы пели!.. *(Продолжает писать.)* Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хлестаков (пишет). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (выходит и говорит за сценой). Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит. Прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков (продолжает писать). Любопытно знать: где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой. Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую. *(Свер-*

тывает и надписывает.)

Осип приносит свечу.

(Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды:

Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать.)

Хлестаков (дает Осипу письмо). На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить. Мы за делом пришли.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

(Шум увеличивается.)

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (глядя в окно). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами, верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (подходя к окну). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут, Осип, скажи им: пусть идут. (Осип уходит.)

Хлестаков (принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает:) „Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина“... Чорт знает что: и чина такого нет!

Явление X

Х*лестаков и купцы, с кузовом вина и сахарными головами.*

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не губи, государь! обиждательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да всё от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: „Ах ты, татарин!“ Ей богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважали его; а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало — ей, ей! Придет в

лавку и, что ни попадет, всё берет: сукна увидит штуку, говорит: „Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мне“. Ну и несешь, а в штуке-та будет без мала аршин пятьдесят.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Чтó делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник.

Купцы. Ей, ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постоя. А если что, велит запереть двери: я тебя не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его, всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кувозком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот, если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста, ну тогда совсем дело другое: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш. *(Вынимают деньги.)* Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте: займы — я ни слова: я возьму.

Купцы (подносят ему на серебряном подносе деньги). Уж, пожалуста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну, и подносик можно.

Купцы (кланяясь). Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О, нет: я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не

берете? Возьмите! в дороге всё пригодится. Давай сюда головы и кулек! подавай всё! всё пойдет в прок. Что там? веревочка? давай и веревочку! и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое — подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно. Я постараюсь.

(Купцы уходят; слышен голос женщины.) Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!

Хлестаков. Кто там? *(Подходит к окну.)* А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! повели, государь, выслушать.

Хлестаков (в окно). Пропустить её.

Явление XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша (кланяясь в ноги). Милости прошу!

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка: Февронья Петрова Пашлепкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло, чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его, ни в чем никакого прибытку не было.

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал: побей бог его и на том и на этом свете! чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец, если жив у него, то чтоб и он, каналья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой. Следовало взять сына портно-

го, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подслала к супруге полотна три штуки; так он ко мне: „На что,“ говорит, „тебе муж, он уж тебе не годится“. Да я-то знаю: годится или не годится; это мое дело, мошенник такой. „Он“, говорит, „вор: хоть он теперь и не украл, да всё равно“, говорит, „он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты“. Да мне-то какво без мужа, мошенник такой! я слабый человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего, и если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Вы провожает старуху.)*

Слесарша (уходя). Не позабудь, отец наш! будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка.

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой. Ба-

бы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а денюга бы мне теперь очень пригодилась.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте. Я распоряжусь. *(В окно высовываются руки с просьбами.)*

Да кто там еще? *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоели, чорт возьми! не впускай, Осип!

Осип (кричит в окно). Пошли, пошли! не время, завтра приходите! *(Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою. За ним в перспективе показывается несколько других.)*

Осип. Пошел, пошел! чего лезешь? *(Упирается ему руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.)*

Явление XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (рисуетя). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маминька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (рисуетя). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столич-

ному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. *(Села.)*

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... сегодня какая странная погода.

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, всё, что хо-

тите. Требуйте, какие стихи вам?

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить, я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: „О, ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек... “ Ну и другие... теперь не могу припомнить, впрочем это всё ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... *(Отдвигает стул.)*

Хлестаков (придвигая стул). Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна (отдвигаясь). Для чего ж близко; всё равно и далеко.

Хлестаков (придвигаясь). Отчего ж далеко;

всё равно и близко.

Марья Антоновна (отдвигается). Да к чему ж это?

Хлестаков (придвигаясь). Да ведь это вам кажется только, что близко, а вы вообразите себе, что далеко. — Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (смотрит в окно). Что это там, как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (целует ее в плечо и смотрит в окно). Это сорока.

Марья Антоновна (встает в негодовании). Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Хлестаков (удерживая ее). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... *(Силится уйти.)*

Хлестаков (продолжая удерживать ее). Из любви, право из любви. Я так только пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! я готов на коленках у вас просить прощения.

(Падает на колени.) Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

Явление XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (увидев Хлестакова на коленях). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (вставая). А, чорт возьми!

Анна Андреевна (дочери). Это что значит, сударыня, это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маминька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! и не смей показываться на глаза. *(Марья Антоновна уходит в слезах.)* Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (в сторону). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колени.)* Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях! Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей до-

чери.

Хлестаков. Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: „Законы осуждают“. Мы удалимся под сень струй. Руки вашей, руки прошу.

Явление XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маминька, папинька сказал, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.)* Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветренность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного! ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты бу-

дешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице. Когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (сквозь слезы). Я, право, маминька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них, не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие: перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (схватывая за руку дочь). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (с изумлением). Так вы в нее?..

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь, из-за тебя, эдакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала, как сумасшедшая. Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маминька; право, вперед не буду.

Явление XV

Т*е же и городничий, впопыхах.*

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и на половину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей богу врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер офицерша. Мне не до нее!

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Ряхнулась, ма-

тушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да. Я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостойн такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чорт знает что готов.

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, ваше превосходительство.

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан, в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, боже мой! Я ей-ей не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневать-

сы! извольте поступать так, как вашей милости угодно! у меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит бог, я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Городничий (смотрит на них). Что за чорт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются. Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает; подпрыгивая от радости.)* Ай Антон! Ай Антон! Ай городничий! Вона как дело-то пошло!

Явление XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с, изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы.

Хлестаков. На одну минуту только... на

один день к дяде — богатый старик, а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать в надежде благополучного возвращения...

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька!

(Целует ее ручку.)

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь; вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нет, к чему это? *(Немного подумав.)*

А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста; я не хочу воспользоваться вашею ошибкою — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! *(Вынимает из бумажника)* еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да. *(Берет и рассматривает ассигнации.)*

Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за ваше гостеприимство; мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна, прощайте, моя душенька, Марья Антоновна. *(Выходят.)*

За сценой.

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной и едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать; хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковер, самый лучший, что по голубому полю, персидской, скорей!

Голос ямщика. Тпр...

Голос городничего. Когда же прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тпр.

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! хорошо. Славно будет! (*бьет рукою по коврику.*) Теперь садитесь, ваше благородие!

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович.

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство.

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маминька!

Голос ямщика. Эй, вы, залетные! (*Колокольчик звенит. Занавес опускается.*)

Действие пятое

Та же комната.

Явление I

Городничий, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь об этом? экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось: просто из какой-нибудь городничихи и вдруг, фу ты, канальство, с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек; никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна: какие мы с тобою теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? высокого полета, чорт побери! Пстой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там? *(Входит квартальный.)* А, это ты, Иван Карпович; призови-ко сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий!

Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ. Пойдите ж, голубчики! прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтобы знали: что вот, дискать, какую честь бог послал городничему, что выдает дочь свою не то, чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола, чорт возьми! уж когда торжество, так торжество. (*Квартальный уходит.*) Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Естественно, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Городничий. Ну, в Питере, так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже городничество тогда к чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Естественно, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, чорт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна? красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж конечно голубую лучше.

Городничий. Э? вишь чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? потому, что случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: лошадей! и там на станциях никому не дадут, всё дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь: обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе (*заливается и помирает со смеху*), вот что, каналь-

ство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе всё такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим. А там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да; там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему всё бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице, и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах! как хорошо!

Явление II

Те же и купцы.

Городничий. А! здорово, соколики!

Купцы (кланяясь). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувайлы мирские! жаловаться? Что? много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова произносишь!

Городничий (с неудовольствием). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас!.. у! обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец, его не тронь; мы, говорит, и дворянам не уступим. Да, дворянин... ах ты, рожа! дворянин учится

наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, отче наша не знаешь, а уж обмериваешь, а как разодмет тебе брюхо, да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (кланяясь). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? а кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это. Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. — Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что мое

взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втопал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (кланяются в ноги). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. Не погуби! теперь: не погуби! а прежде что? я бы вас... *(махнув рукой)* Ну, да бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь смотри, держи ухо востро! я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... ну, ступай с богом. *(Купцы уходят.)*

Явление III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филипович, потом Растаковский.

Аммос Федорович (еще в дверях). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье.

Артемий Филипович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)* Анна Андреевна!

(Подходя к ручке Марьи Антоновны.) Ма-

рья Антоновна!

Растаковский (входит). Антона Антоновича поздравляю, да продлит бог жизнь вашу и новой четы, и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат, Анна Андреевна!

(Подходит к ручке Анны Андреевны.) Марья Антоновна! *(Подходит к ручке Марьи Антоновны.)*

Явление IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(Подходит к ручке Анны Андреевны.)*

Марья Антоновна! *(Подходит к ее ручке.)*

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна!

(Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям, щелкает языком с видом удальства). Марья Антоновна! имею честь поздравить. *(Подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удальством.)*

Явление V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: „Анна Андреевна“, потом к Марье Антоновне, говоря: „Марья Антоновна!“

Бобчинский и Добчинский проталкиваются

Бобчинский. Имею честь поздравить.

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить.

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна! *(Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.)*

Добчинский. Марья Антоновна! *(подходит к ручке)*

честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастье, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинский (перебивая). Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай бог вам всякого богатства, червонцев и сынка-с эдакого маленького, вон ентакого-с *(показывает рукою)*, чтоб можно было на ладоньку посадить. Да-с:

всё будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!

Явление VI

Еще несколько *гостей, подходящих к ручкам*, Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь...

Жена Луки Лукича (бежит вперед). Поздравляю вас, Анна Андреевна! *(Целуются).* А я так, право, обрадовалась; говорят мне: Анна Андреевна выдает дочку. — Ах, боже мой! думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: послушай, Луканчик: вот какое счастье Анне Андреевне! ну, думаю себе, слава богу, и говорю ему: я так восхищена, что стораю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне... Ах, боже мой, думаю себе: Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела, и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: отчего ты, Настинька, рыдаешь? Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются.

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа. Эй, Мишка, принеси сюда побольше

стульев. *(Гости садятся.)*

Явление VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета.

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

(Гости усаживаются.)

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуста, Антон Антонович, каким образом всё это началось: постепенный ход всего дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственнолично сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Всё чрезвычайно хорошо говорил; говорит: „Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам... “ И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил. „Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества“.

Марья Антоновна. Ах, маминька! ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь, и не в свое дело не мешайся! „Я, Анна Андреевна, изумляюсь... “ В таких лестных рассыпался словах... и когда я хотела сказать: мы никак не смеем надеяться на такую честь, он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: „Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою“.

Марья Антоновна. Право, маминька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал; говорил, что застрелится. Застрелюсь, застрелюсь, говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Федорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филипович. Не судьба, батюшка, судьба индейка; заслуги привели к тому. (*В сторону.*) Этакой свинье лезет всегда в рот счастье.

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет: мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день, по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же...

(Чихает; поздравления сливаются в один гул.) Много благодарен! но завтра же и назад... *(Чихает. Поздравительный гул. Слышнее других голоса:)*

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!
Добчинского. Продли бог на сорок сороков!
Артемия Филиповича. Чтоб ты пропал!

Жены Коробкина. Чорт тебя поberi!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, чорт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай бог получить.

Растаковский. От человека невозможно; а от бога всё возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю большое плаванье.

Артемий Филипович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович (в сторону). Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филипович (в сторону). Эка, чорт возьми, уж и в генералы лезет. Чего доброго, может и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. (*Обращаясь к нему.*) Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством.

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, заступите сиротке место отца.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно, и с какой стати себя обременять этакими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелузге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она

трактует нас?

Гостья. Что ж, она такова всегда была; посади мужика за стол, он и под свято лезет...

Явление VIII

Т*е же и почтмейстер впоныхах и с распечатанным письмом в руке.*

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, я узнал это из письма.

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес, вижу: в Почтамтскую улицу. Я так и обомлел. Ну, думаю себе, верно нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство. Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера с тем, чтобы отправить его с эшпафетой, — но любопытство такое одолело, какого еще

никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу, тянет, так вот и тянет. В одном ухе так вот и слышу: ей, не распечатавай, пропадешь, как курица; а в другом словно бес какой шепчет: распечатай, распечатай! распечатай! И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей богу мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он и не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё, ни то; чорт знает что такое.

Городничий (запальчиво). Как ни сё, ни то? Как вы смеете назвать его ни тем, ни сем, да еще и чорт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я.

Почтмейстер. Коротки руки.

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу.

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь, далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (читает). „Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму, как вдруг по моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропало за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги...

Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на широмыжку и как один раз, было, кандитор схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов аглицкого короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают взаймы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий —

глуп, как сивый мерин... “

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (показывает письмо). Читайте сами!

Городничий (читает). „Как сивый мерин“. Не может быть, вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филипович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте.

Почтмейстер (продолжая читать). „Городничий глуп, как сивый мерин... “

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (продолжая читать). Хм... хм... хм... хм... „сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек... “

(Оставляя читать.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филипович. Позвольте, я прочитаю.

(Надевает очки и читает.) „Почтмейстер точь в точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую“.

Почтмейстер (к зрителям). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь: больше ничего!

Артемий Филипович (продолжая читать). „Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и... “ *(заикается).*

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филипович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берет письмо.)*

Артемий Филипович (не давая письма). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да, позвольте, уж я знаю.

Артемий Филипович. Прочитать я и сам прочитаю, далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филипович! отдайте письмо.

(Коробкину.) Читайте!

Артеми́й Филипович. Сейчас. (Отдает письмо.)

Вот позвольте... (закрывает пальцем) вот отсюда читайте. (Все приступают к нему.)

Почтмейстер. Читайте! Читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (читая). „Надзиратель за богоугодным заведением Земляника: совершенная свинья в ермолке“.

Артеми́й Филипович (к зрителям). И не остроумно! свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (продолжая читать). „Смотритель училищ протухнул насквозь луком“.

Лука Лукич (к зрителям). Ей богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович (в сторону). Слава богу, хоть по крайней мере обо мне нет.

Коробкин (читает). „Судья...“

Аммос Федорович. Вот тебе на! (Вслух.) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дряннь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артеми́й Филипович. Нет, уж читайте!

Коробкин (продолжает). „Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон...“ *(останавливается)* должно быть французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть и того еще хуже.

Коробкин (продолжая читать). „А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку.

(Переворачивает письмо и читает адрес.) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в С.-Петербург, в Почтамтскую улицу, в доме под № 97, поворота на двор в 3 этаже, направо“.

Одна из дам. Какой репримант неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы, вместо лиц; а боль-

ше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою.*)

Почтмейстер. Куды воротить! я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чорт угораздил дать и вперед предписанье.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, чорт возьми, господа! он у меня взял триста рублей займа.

Артемиий Филипович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (вздыхает). Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с. Да-с.

Аммос Федорович (в недоумении расставляет руки). Как же это, господа? как это, в самом деле, мы так оплошали.

Городничий (бьет себя по лбу). Как я? нет, как я, старый дурак! выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, прой-

дох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду; трех губернаторов обманул!.. что губернаторов!

(махнув рукой) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Городничий (всередцах). Обручился! кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!..

(В исступлении.) Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит самому себе кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливаает, колокольчиком! Разнесет по всему свету историю; мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно: чина, званья не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? над собою смеетесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! у! щелкопёры, либералы прокля-

тые! чортово семя! узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех, да чорту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Сует кулаком и бьет каблуком в пол. После некоторого молчанья:)* До сих пор не могу придти в себя. Вот подлинно если бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну, что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было. Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну, кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечай-те.

Артемий Филипович (расставив руки). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чорт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил, вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Бобчинский. Ей-ей, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филипович. Конечно, вы!

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали, как сумасшедшие из трактира: „Приехал, приехал и денег не плотит... “ Нашли важную птицу!

Городничий. Натурально, вы! сплетники городские, лгуны проклятые!

Артемий Филипович. Чтоб вас чорт побрал с вашим ревизором и рассказами.

Городничий. Только рыскаете по городу, да смущаете всех, трещотки проклятые, сплетни сеете, сороки короткохвостые.

Аммос Федорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филипович. Сморчки короткобрюхие! *(Все обступают их.)*

Бобчинский. Ей богу, это не я, это Петр Иванович

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

Явление последнее

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостиннице.

(Произнесенные слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст; вся группа, вдруг переменявши положенье, остается в окаменении.)

Немая сцена

Городничий посередине в виде столпа с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его: жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выраженьем лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову

несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья, с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел пошептать или произнести: „Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!“ За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

Приложения к «Ревизору»

Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору

Ревизор сыгран — и у меня на душе так... Ресмутно, так странно... Я ожидал, я знал наперед, как пойдет дело, и при всем том чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое. Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то в роде Альнаскарова, чем-то в роде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров. Он сделался просто обыкновенным вралем, — бледное лицо, в продолжение двух столетий являющееся в одном и том же костюме. Неужели в самом деле не видно из самой роли, что такое Хлестаков? Или мною овладела довременно слепая гор-

дось, и силы мои совладеть с этим характером были так слабы, что даже и тени, и намёка в нём не осталось для актёра? А мне он казался ясным. Хлестаков вовсе не надувает; он не лгун по ремеслу; он сам позабывает, что лжет, и уже сам почти верит тому, что говорит. Он развернулся, он в духе, видит, что всё идет хорошо, его слушают — и по тому одному он говорит плавнее, развязнее, говорит от души, говорит совершенно откровенно и, говоря ложь, выказывает именно в ней себя таким, как есть. Вообще у нас актёры совсем не умеют лгать. Они воображают, что лгать значит просто нести болтовню. Лгать значит говорить ложь тоном так близким к истине, так естественно, так наивно, как можно только говорить одну истину; и здесь-то заключается именно всё комическое лжи. Я почти уверен, что Хлестаков более бы выиграл, если бы я назначил эту роль одному из самых бесталанных актёров и сказал бы ему только, что Хлестаков есть человек ловкий, светский, совершенный *comme il faut*, умный и даже, пожалуй, добродетельный, и что ему остается представить его именно таким. Хлестаков

лжет вовсе не холодно или фанфаронски-театрально; он лжет с чувством, в глазах его выражается наслаждение, получаемое им от этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута в его жизни — почти род вдохновения. И хоть бы что-нибудь из этого было выражено! Никакого то же характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физиономии, решительно не дано было бедному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатурить старых чиновников, в поношенных вицмундирах с потертыми воротниками; но схватить те черты, которые довольно благовидны и не выходят острыми углами из обыкновенного светского круга — дело мастера сильного. У Хлестакова ничего не должно быть означено резко. Он принадлежит к тому кругу, который, повидимому, ничем не отличается от прочих молодых людей. Он даже хорошо иногда держится, даже говорит иногда с весом, и только в случаях, где требуется или присутствие духа, или характер, выказывается его отчасти подлинная, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничего более неподвижны и ясны. Его уже обозначает рез-

ко собственная, неизменяемая, черствая наружность и отчасти утверждает собою его характер. Черты роли Хлестакова слишком подвижны, более тонки и потому труднее уловимы. Что такое, если разобрать в самом деле, Хлестаков? Молодой человек, чиновник, и пустой, как называют, но заключающий в себе много качеств, принадлежащих людям, которых свет не называет пустыми. Выставить эти качества в людях, которые не лишены, между прочим, хороших достоинств, было бы грехом со стороны писателя, ибо он тем поднял бы их на всеобщий смех. Лучше пусть всякий отыщет частицу себя в этой роли, и в то же время осмотрится вокруг без боязни и страха, чтобы не указал кто-нибудь на него пальцем и не назвал бы его по имени. Словом, это лицо должно быть тип многого разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадает и в натуре. Всякий хоть на минуту, если не на несколько минут, делался или делается Хлестаковым, но естественно, в этом не хочет только признаться; он любит даже и посмеяться над этим фак-

том, но только, конечно, в коже другого, а не в собственной. И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется подчас Хлестаковым. Словом, редко кто им не будет хоть раз в жизни, — дело только в том, что вслед за тем очень ловко повернется, и как будто бы и не он.

Итак, неужели в моем Хлестакове не видно ничего этого? Неужели он просто бледное лицо, а я, в порыве минутно-горделивого расположения, думал, что когда-нибудь актер обширного таланта возблагодарит меня за совокупление в одном лице толиких разнородных движений, дающих ему возможность вдруг показать все разнообразные стороны своего таланта. И вот Хлестаков вышел детская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

С самого начала представления пьесы я уже сидел в театре скучный. О восторге и приеме публики я не заботился. Одного только судьи из всех, бывших в театре, я боялся, — и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, кото-

рые заглушали все другие. А публика вообще была довольна. Половина ее приняла пьесу даже с участием; другая половина, как водится, ее бранила по причинам, однако ж, не относящимся к искусству. Каким образом бранила, мы об этом поговорим при первом свидании с вами: тут есть много поучительного и не мало смешного. Я даже кое-что записал; но это в сторону.

Вообще с публикою, кажется, совершенно примирил „Ревизора“ городничий. В этом я был уверен и прежде, ибо для таланта, каков у Сосницкого, ничего не могло остаться необъясненным в этой роли. Я рад, по крайней мере, что доставил ему возможность выказать во всей ширине талант свой, об котором уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются так щедро рукоплесканиями во вседневных водевилях и прочих забавных пьесах. На слугу тоже надеялся, потому что заметил в актере большое внимание к словам и замечательность. Зато оба наши приятели, Бобчинский и Добчинский, вышли сверх ожидания дурны. Хотя я и думал,

что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцова, но всё-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже пред началом представления, увидевши их костюмированными, я ахнул. Эти два человечка, в существе своем довольно опрятные, толстенные, с прилично-приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, всклокоченные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и бессовестно карикатурна. Я как бы предчувствовал это, когда просил, чтобы сделать хоть одну репетицию в костюмах; но мне стали говорить, что это вовсе не нужно и не в обычае, и что актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены словам моим давали немного, я оставил их в покое. Еще раз повторяю: тоска, тоска. Не

знаю сам, отчего одолевает меня тоска.

Во время представления я заметил, что начало четвертого акта холодно; кажется, как будто течение пьесы, дотоле плавное, здесь прервалось или влечется лениво; признаюсь, еще во время чтения сведущий и опытный актер сделал мне замечание, что не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замечание довольно тонкое, имеющее свои справедливые стороны, я однако же не видел причины, почему Хлестаков, будучи Хлестаковым, не мог попросить первый. Но замечание было сделано, стало быть, — сказал я сам в себе, — я плохо выполнил эту сцену; и точно, теперь во время представления я увидел ясно, что начало четвертого акта бледно и носит признак какой-то усталости. Возвратившись домой, я тот же час принялся за переделку. Теперь, кажется, вышло немного сильнее, по крайней мере, естественнее и более идет к делу. Но у меня нет сил хлопотать о включении этого отрывка в пьесу. Я устал; и как вспомню, что для этого нужно ездить,

просить и кланяться, то бог с ним, — пусть лучше при втором издании или возобновлении „Ревизора“.

Еще слово о последней сцене. Она совершенно не вышла. Занавес закрывается в какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, как будто не кончена. Но я не виноват. Меня не хотели слушать. Я и теперь говорю, что последняя сцена не будет иметь успеха до тех пор, пока не поймут, что это просто немая картина, что всё это должно представлять одну окаменевшую группу, что здесь оканчивается драма и сменяет ее онемевшая мимика, что две-три минуты должен не опускаться занавес, что совершиться всё это должно в тех же условиях, каких требуют так называемые *живые картины*. Но мне отвечали, что это свяжет актеров, что группу нужно будет поручить балетмейстеру, что несколько даже унижительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще *других прочих* увидел я на минах, которые были досаднее словесных. Несмотря на все эти *прочие*, я стою на своем, и сто раз говорю: нет. Это не свяжет нимало, это не унижительно; пусть даже балетмейстер сочинит и

составит группу, если только он в силах почувствовать настоящее положение всякого лица. Таланта не остановят указанные ему границы, как не остановят реку гранитные берега: напротив, вошедши в них, она быстрее и полнее движет свои волны. И в данной ему позе чувствующий актер может выразить всё. На лицо его здесь никто не положил оков, размещена только одна группировка; лицо его свободно выразит всякое движение. И в этом онемении разнообразия для него бездна. Испуг каждого из действующих лиц не похож один на другой, как не похожи их характеры и степень боязни и страха, вследствие величины наделанных каждым грехов. Иным образом остается поражен городничий, иным образом поражена жена и дочь его. Особенным образом испугается судья, особенным образом попечитель, почтмейстер, и пр., и пр. Особенным образом останутся пораженными Бобчинский и Добчинский, и здесь не изменившие себе и обратившиеся друг к другу с онемевшим на губах вопросом. Одни только гости могут остолбенеть одинаким образом, но они даль в картине, которая очерчивается

одним взмахом кисти и покрывается одним колоритом. Словом, каждый мимически продолжит свою роль, и, несмотря на то, что, по видимому, покори́л себя балетмейстеру, может всегда остаться высоким актером. Но у меня недостает больше сил хлопотать и спорить. Я устал и душою и телом. Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий. Бог с ними со всеми. Мне опротивела моя пиеса. Я хотел бы убежать теперь бог знает куда, и предстоящее мне путешествие, пароход, море и другие, далекие небеса, могут одни только освежить меня. Я жажду их, как бог знает чего. Ради бога, приезжайте скорее. Я не поеду, не простившись с вами. Мне еще нужно много сказать вам того, что́ не в силах сказать несносное, холодное письмо... 1836 г. мая 25 С.-Петербург.

Две сцены, выключенные, как замедлявшие течение пьесы

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Но я не знаю, маминька, отчего вам кажется, что у вас лучше всего глаза...

Анна Андреевна. Вздор тебе кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у нас полковница, которая уж такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала всё платье из Москвы, — бывало мне несколько раз повторяет: „Сделайте милость, Анна Андреевна, откройте мне эту тайну, отчего ваши глаза просто говорят... “ И все бывало в один голос: „С вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы от вашей любезности позабыть все обстоятельства“. А стоявший в это время штаб-ротмистр Ставрокопытов? Он, не помню, проживал за ремонтом, что ли? Красавец! Лицо свежее, румянец как я не знаю что; глаза черные, черные, а воротнички рубашки его — это батист такой, како-

го никогда еще купцы наши не подносили нам. Он мне несколько раз говорил: „Клянусь вам, Анна Андреевна, что не только не видал, не начитывал даже таких глаз; я не знаю, что со мною делается, когда гляжу на вас“... На мне еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями с колосками и вся обложенная блондочкою, узенькою, не больше как в палец — это просто было обво-рожение! Так говорит бывало: „Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствие, когда гляжу на вас, что мое сердце“, говорит... Я уж не могу теперь припомнить, что он мне говорил. Куды ж! он после того такую поднял историю: хотел непременно застрелиться; да как-то писто-леты куда-то запропалились; а случись писто-леты, его бы давно уже не было на свете.

Марья Антоновна. Я не знаю, маминька, — мне однако ж кажется, что у вас нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда. Вот это-то уже нельзя сказать. Что вздор, то вздор.

Марья Антоновна. Нет, право, маминька; когда вы эдак говорите или сидите в профи-

ли, у вас губы всё...

Анна Андреевна. Пожалуста не толкуй пу-
стяков! Такая, право, несносная! Чтобы она
как-нибудь не поспорила... боже сохрани!
Вот, что у матери ее хорошие глаза, так уж ей
и завидно. За этими спорами, за вздорами, я
заболталась с тобой. А тут, того и гляди, что
он приедет и застанет нас одетыми бог знает
как. (*Поспешно уходит; за ней Марья Анто-
новна.*)

II.

*Хлестаков и Растаковский, в екатеринин-
ском мундире с эксельбантом.*

Растаковский. Имею честь рекомендо-
ваться — житель здешнего города, помещик, от-
ставной секунд-майор Растаковский.

Хлестаков. А, прошу покорнейше садить-
ся; очень рад. Я очень хорошо знаком с ва-
шим начальником.

Растаковский (сел). А, так вы изволили
знать Задунайского?

Хлестаков. Какого Задунайского?

Растаковский. Графа Румянцева-Задунай-
ского, Петра Александровича: ведь это мой
бывший начальник.

Хлестаков. Да... так вы служили уже давно ?..

Растаковский. Находился во время осады под Силистрией, в 773 году. Очень жаркое было дело. Турок был вот так, как этот стол, перед нами. Я был тогда сержантом, а секунд-майор был в нашем полку — не изволите ли вы знать: Гвоздев Петр Васильевич?

Хлестаков. Гвоздев? какой это?

Растаковский. Петр Васильевич. Он был по высочайшему повелению покойной императрицы переведен потом в драгуны.

Хлестаков. Нет, не знаю.

Растаковский. Я так и полагал, что вы не знаете, потому что уж более тридцати лет как он умер. Вот здесь не далеко, верстах в двадцати от города, осталась его внучка, что вышла замуж за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаков. За Рогатку? Скажите! Я этого совсем не полагал.

Растаковский. Да-с, Рогатка, Иван Васильевич. — Так турок стоял перед нами вот так, как бы этот стол. Зима и снег и сумятица была такая, как в том году, когда француз подступал под Москву. В нашем полку был тоже

секунд-майором Фухтель-Кнабе, немец. Звали его Сихфрид Иванович, но генерал-аншеф тогдашний, Потемкин, велел переименовать: ты, говорит, не Сихфрид, а Суп, — так будь ты Супом Ивановичем; и с той поры так и осталось ему имя Суп Иванович. Так этот Суп Иванович и секунд-майор Гвоздев, о котором я говорил, были посланы за фуражом. К ним был прикомандирован я и еще квартирмейстер, если изволите знать — Трепакин, Автоном Павлович: он также, я думаю, уже будет лет двадцать пять, как умер.

Хлестаков. Трепакин, нет, не знаю. А вот я хотел бы попросить у вас...

Растаковский (не слушая). Видный мужчина, русый волос, золотой эксельбант. Ловко танцевал польской. Хлопнет, бывало, рукою и отобьет пару у самого полковника, и как только девушки... хе, хе, хе... У нас бывали тогда палатки; и как только заглянешь к нему в палатку... хе, хе, хе... там уж сидит, и на утренник выводит, как будто драгуна, в треугольной шляпе... хе, хе, хе... и портупея висит, хе, хе, хе...

Хлестаков. Да, эта подобная история с мо-

им знакомым, одним чиновником, который очень выгодно служит. Сидит он в халате, закурил трубку, вдруг к нему приходит один мой тоже приятель, гвардеец, кавалергардского полку, и говорит... (*Останавливается и смотрит между тем пристально в глаза Растаковскому.*) Послушайте, однако ж, не можете ли вы мне дать сколько-нибудь займа денег? Я в дороге истратился.

Растаковский. Да кто это просил денег, чиновник у гвардейца или гвардеец у чиновника?

Хлестаков. Нет, это я прошу у вас. Видите, чтоб после как-нибудь не позабыть, так лучше теперь.

Растаковский. Так это вам нужны деньги! Как странно! Я думал, что гвардеец при анекдоте-то попросил. Как в разговоре-то иногда случается! Так вам нужны деньги? А я, признаюсь, с своей стороны пришел беспокоить преубедительнейшею просьбою.

Хлестаков. А что, о чем?

Растаковский. Должен получить прибавочного пенсионера, так я просил бы, чтобы замолвили там сенаторам или кому другому.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Растаковский. Я сам подавал просьбу, да только, может, не туда, куда следует.

Хлестаков. А как давно вы подавали просьбу?

Растаковский. Да если сказать правду, не так и давно, — в 1801 году; да вот уж тридцать лет нет никакой резолюции. Я послал чрез Со-силькина, Ивана Петровича, который ехал тогда в Петербург; да он-то не слишком надежный человек. Так статься может, что просьбу отнес-то не туды, куды следует. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лет прошло, стало быть, теперь скоро дело решится.

Хлестаков. Да, натурально, теперь решат скоро; а впрочем я тоже с своей стороны... хорошо, хорошо.

Позднейшие приложения

Предуведомление

Почти все наши русские литераторы жертвовали чем-нибудь от трудов своих в пользу неимущих: одни издавали с этой целью сами книги, другие не отказывались участвовать в изданиях, собираемых из общих трудов, третьи, наконец, составляли нарочно для того публичные чтения; один я отстал от прочих. Желая хотя поздно загладить свой проступок, назначаю в пользу неимущих четвертое и пятое издание „Ревизора“, ныне напечатанные в одно и то же время в Москве и в Петербурге, с присовокуплением новой, неизвестной публике пиэсы: „Развязка Ревизора“. По разным причинам и обстоятельствам пиэса эта не могла быть доселе издана и в первый раз помещается здесь. Деньги, выручаемые за оба эти издания, назначаются только в пользу тех неимущих, которые, находясь на самых незаметных и маленьких местах, получают самое небольшое жалованье и этим небольшим жалованьем, едва достаточным на собственное прокормление,

должны помогать, а иногда даже и содержать еще беднейших себя родственников своих, словом, в пользу тех, которым досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всех моих читателей, которые сделали уже начало доброму делу покупкой этой книги, сделать ему и доброе продолжение. А именно: собирать по возможности и по мере досуга сведения обо всех, наиболее нуждающихся как в Москве, так и в Петербурге, не пренебрегая скучным делом входить самому *лично* в их трудные обстоятельства и доставлять все таковые сведения тем, на которых возложена раздача вспомоществований. Много происходит вокруг нас страданий, нам неизвестных. Часто в одном, и том же месте, в одной и той же улице, в одном и том же с нами доме изнывает человек, сокрушенный весь тяжким игом нужды и ею порожденно-го сурового внутреннего горя, которого вся участь, может быть, зависела от одного нашего пристального на него взгляда, — но взгляда на него мы не обратили; беспечно и беззаботно продолжаем жизнь свою, почти равнодушно слышим о том, что такой-то, живший с на-

ми рядом, погибнул, не подозревая того, что причиной этой гибели было именно то, что мы не дали себе труда пристально взглянуть на него. Ради самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами с теми, которые молчаливы и неразговорчивы, которые скорбят тихо, претерпевают тихо и умирают тихо, — так что даже редко и по смерти их узнается, что они умерли от невыносимого бремени своего горя. Всех же тех моих читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнейшими, не имеют чрез то досуга входить непосредственно в положения бедных, прошу не оставить посильным денежным вспоможеньем, препровождая его к одному из раздавателей таких вспомоществований, которых имена и адреса приложены в конце сего предуведомленья. Считаю обязанностью при этом уведомить, что избраны мною для этого дела те из мною знаемых лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хлопотами и обязанностями, лишаящими нужного досуга для подобных занятий, влекутся сверх того собственной душевной потребностью по-

могать другому и которые взялись радостно за это трудное дело, несмотря на то, что оно отнимет от них множество приятных удовольствий светских, которыми неохотно жертвует человек. А потому всяк из дающих может быть уверен, что помощь, ими произведенная, будет произведена с рассмотрением: не бросится из нее и копейка напрасно. Не помогут они по тех пор человеку, пока не узнают его близко, не взвесят всех обстоятельств, его окружающих, и не получат таким образом вразумленья полного, каким советом и напутствием сопроводить поданную ему помощь. В тех же случаях, где страждущий сам виной тяжелой участи своей и в дело его бедствия замешалось дело его собственной совести, помощь произведут они не иначе, как через руки опытных священников и вообще таких духовников, которые не в первый раз имели дело с душой и совестью человека. Хорошо, если бы всяк из тех, которые будут собирать сведения о бедных, взял на себя труд изъясняться об этом с раздавателями сумм лично, а не посредством переписки: в разговорах объясняются легко все те

недоразумения, которые всегда остаются в письмах. Всяк может усмотреть сам уже по роду самогó дела, к кому из означенных лиц ему будет приличней, ловче и лучше обратиться, принимая в соображение и то, в каком деле особенно нужно сострадательное участие женщины, а в каком твердое, братски подкрепляющее слово мужа. Лучше, если для таких переговоров будет назначен раз навсегда один определенный час, хотя, положим, от 11 до 12, который для большинства людей есть удобнейший; если ж кому он и неудобен, то всё-таки, пришедши в этот час, можно получить осведомление о другом, удобнейшем.

Имена и места жительств лиц, принявших на себя раздачу вспомоществований:

В Москве

Авдотья Петров<на> Елагина, живет в та-
кой-то улице.

Екатер<ина> Ал<ександровна> Свербеева.

Вера Сергеевна Аксакова.

Алексей Степан<ович> Хомяков.

Василий Алек<сандрович> Панов.

Николай Филип<пович> Павлов.

Петр Васильевич Киреевский.

В Петербурге

Кн. Ольга Степ<ановна> Одоевская, живет в такой-то улице.

Графиня Анна Мих<айловна> Вьельгорская.

<Графиня> Дашкова.

Аркадий Осипович Россети.

Юрий Федор<ович> Самарин.

Владим<ир> Алексеевич Муханов.

Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора»

Больше всего надобно опасаться, чтобы не впасть в карикатуру. Ничего не должно быть преувеличенного или тривиального даже в последних ролях. Напротив, нужно особенно стараться актеру быть скромней, проще и как бы благородней, чем как в самом деле есть то лицо, которое представляется. Чем меньше будет думать актер о том, чтобы смешить и быть смешным, тем более обнаружится смешное взятой им роли. Смешное обнаружится само собою именно в той сурьезности,

с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшею задачею своей жизни. Зрителю только со стороны виден пустяк их заботы. Но сами они совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь смеется. Умный актер, прежде чем схватить мелкие причуды и мелкие особенности внешние доставшегося ему лица, должен стараться поймать *общечеловеческое* выражение роли. Должен рассмотреть, зачем призвана эта роль; должен рассмотреть главную и преимущественную заботу каждого лица, на которую издерживается жизнь его, которая составляет постоянный предмет мыслей, вечный гвоздь, сидящий в голове. Поймавши эту главную заботу выведенного лица, актер должен в такой силе исполниться ею сам, <чтобы> мысли и стремления взятого им лица и как бы усвоились ему самому и пребывали бы в голове его неотлучно во всё время представления пьесы. О частных сценах и мелочах он не должен много заботиться. Они выдут само собою удачно и ловко, если только

он не выбросит ни на минуту из головы этого гвоздя, который засел в голову его героя. Все эти частности и разные мелкие принадлежности, — которыми так счастливо умеет пользоваться даже и такой актер, который умеет дразнить и схватывать походку и движение, но не создавать целиком роли, — суть не более как краски, которые нужно класть уже тогда, когда рисунок сочинен и сделан верно. Они — платье и тело роли, а не душа ее. Итак, прежде следует схватить именно эту душу роли, а не платье ее.

Одна из главных ролей есть городничий. Человек этот более всего озабочен тем, чтобы не пропускать того, что плывет в руки. Из-за этой заботы ему некогда было взглянуть поостроже на жизнь или же осмотреться получше на себя. Из-за этой заботы он стал притеснителем, не чувствуя сам, что он притеснитель, потому что злобного желанья притеснять в нем нет; есть только желанье прибрать всё, что ни видят глаза.

Просто он позабыл, что это в тягость другому и что от этого трещит у иного спина. Он вдруг простил купцов, замышлявших погу-

бить его, когда те предложили заманчивое предложение, потому что эти заманчивые блага жизни обуяли им и сделали то, что в нем очерствело и огрубело чутье слышать положенье и страданье другого. Он чувствует, что грешен, он ходит в церковь, думает даже, что в вере тверд, даже помышляет когда-нибудь потом покаяться. Но велик соблазн всего того, что плывет в руки, и заманчивы блага жизни, и хватать всё, не пропуская ничего, сделалось у него уже как бы просто привычкой. Его поразили распространившийся слух о ревизоре; еще более поразило это, что этот ревизор — incognito, неизвестно когда будет, с которой стороны подступит. Он находится от начала до конца пьесы в положениях выше тех, в которых ему случалось бывать в другие дни жизни. Нервы его напряжены. Переходя от страха к надежде и радости, взгляд его несколько распален от того, и он стал податливее на обман, и его, которого в другое время не скоро удалось бы обмануть, становится возможным. Увидевши, что ревизор в его руках, не страшен и даже с ним вступил в родню, он предается буйно радости при одной

мысли о том, как понесется отныне его жизнь среди пирований, попоек, как будет он раздавать места, требовать на станциях лошадей и заставлять ждать в передних городничих, важничать, задавать тон. Поэтому-то внезапное объявление о приезде настоящего ревизора для него больше, чем для всех других, громовой удар, и положенье становится истинно трагическим.

Судья — человек меньше грешный во взятках; он даже не охотник творить неправду, но страсть ко псовой охоте... Что ж делать, у всякого человека есть какая-нибудь страсть, из-за нее он наделает множество разных неправд, не подозревая сам того. Он занят собой и умом своим, и безбожник только потому, что на этом поприще есть простор ему выказать себя. Для него всякое событие, даже и то, которое навело страх для других, есть находка, потому что дает пищу его догадкам и соображениям, которыми он доволен, как артист своим трудом. Это самоуслаждение должно выражаться на лице актера. Он говорит и в то же время смотрит, какой эффект производят на других его слова. Он ищет вы-

ражений.

Земляника — человек толстый, но плут тонкой, несмотря на необъятную толщину свою, который имеет много увертливого и льстивого в оборотах поступков. На вопрос Хлестакова, как называлась съеденная рыба, он подбегает с легкостью 22-летнего франта, за тем, чтобы у самого его носа сказать: „Лабардан-с“. Он принадлежит к числу тех людей, которые только для того, чтобы вывернуться сами, не находят другого средства, <как> чтобы топить других, и торопливы на всякие каверзничества и доносы, не принимая в строку ни кумовства, ни дружбы, помышляя только о том, как бы вынести себя. Несмотря на неповоротливость и толщину, всегда поворотлив. А [потому] умный актер [никак] не пропустит всех тех случаев, где услуга толстого человека будет особенно смешна в глазах зрителей без всякого желанья сделать из этого карикатуру.

Смотритель училищ — ничего более, как только напуганный человек частыми ревизовками и выговорами, неизвестно за что, а потому боится как огня всяких посещений и

трепещет как лист при вести о ревизоре, хотя и не знает сам, в чем грешен. Играющему это лицо актеру не трудно, ему остается только выразить один постоянный страх.

Почтмейстер — простодушный до наивности человек, глядящий на жизнь как на собрание интересных историй, для препровождения времени, которые он начитывает в распечатываемых письмах. Ничего больше не остается делать актеру, как быть простодушным, сколько возможно.

Но два городские болтуна Бобчинский и Добчинский [требуют особенно, чтобы] были сыграны хорошо. Их должен себе очень хорошо определить актер. Это люди, которых жизнь заключилась вся в беганьях по городу с засвидетельствованием почтенья и в размене вестей. Всё у них стало визит. Страсть рассказать поглотила всякое другое занятие, и эта страсть стала их движущей страстью и стремлением жизни. Словом, это люди, выброшенные судьбой для чужих надобностей, а не для своих собственных. Нужно, чтобы видно было то удовольствие, когда наконец добьется того, что ему позволят о чем-нибудь

рассказать. Торопливость и суетливость у них единственно от боязни, чтобы кто-нибудь не перебил и не помешал ему рассказать. Любопытны — от желанья иметь о чем рассказать. От этого Бобчинский даже немножко заикается. Они оба низенькие, коротенькие, чрезвычайно похожи друг на друга, оба с небольшими брюшками. Оба круглолицы, одеты чистенько, с приглаженными волосами. Добчинский даже снабжен небольшой лысинкой, на середине головы; видно, что он не холостой человек, как Бобчинский, но уже женатый. Но при всем том Бобчинский берет верх над ним по причине большей живости и даже несколько управляет его умом. Словом, актеру нужно заболеть сапом любопытства и чесоткой языка, если хочет хорошо исполнить эту роль, и представлять себе должен, <что> сам заболел чесоткой языка. Он должен позабыть, что он совсем ничто<жный> человек<ек> как оказыв<ается> и бросить в сторону все мелкие атрибуты, иначе он попадет как раз в карикатуры.

Все прочие лица: купцы, гости, полицейские и просители всех родов суть ежедневно

проходящие перед нашими глазами лица, а потому могут быть легко схвачены всяким, умеющим замечать особенности в речах и ухватках человека всякого сословия. То же самое можно сказать и о слуге, несмотря на то, что эта роль значительнее прочих. Русской слуга пожилых лет, который смотрит несколько вниз, грубит барину, смекнувши, что барин [щелкопер] и дрянцо, и который любит себе самому читать нравоученье для барина, который молча плут, однако очень умеет воспользоваться в таких случаях, когда можно мимоходом поживиться, — известен всякому. Потому эта роль игралась всегда хорошо. Равномерно всякой может почувствовать степень того впечатления, <какое> приезд ревизора способен произвести [на каждое] из этих лиц.

Не нужно только позабывать того, [что] в голове всех сидит ревизор. Все заняты ревизором. Около ревизора кружатся страхи и надежды всех действующих лиц. У одних — надежда на избавление от дурных городничих и всякого рода хапуг. У других панический страх при виде того, что главнейшие санов-

ники и передовые люди общества в страхе. У прочих же, которые смотрят на все дела мира спокойно, чистя у себя в носу, любопытство, не без некоторой тайной боязни увидеть наконец то лицо, которое причинило столько тревог и, стало быть, неминуемо должно быть слишком необыкновенным и важным лицом.

Всех труднее роль того, который принят испуганным городом за ревизора. Хлестаков, сам по себе, ничтожный человек. Даже пустые люди называют его пустейшим. Никогда бы ему в жизни не случилось сделать дела, способного обратить чье-нибудь внимание. Но сила всеобщего страха создала из него замечательное комическое лицо. Страх, отуманивши глаза всех, дал ему поприще для комической роли. Обрываемый и обрезаемый доселе во всем, даже и в замашке пройтись козырем по Невскому проспекту, он почувствовал простор и вдруг развернулся неожиданно для самого себя. В нем всё сюрприз и неожиданность. Он даже весьма долго не в силах догадаться, от чего к нему такое внимание, уважение. Он почувствовал только приятность и удовольствие, видя, что его слуша-

ют, угождают, исполняют всё, что он хочет, ловят с жадностью всё, что ни произносит он. Он разговорился, никак не зная с начала разговора, куда поведет его речь. Темы для разговоров ему дают выведывающие. Они сами как бы кладут ему всё в рот и создают разговор. Он чувствует только то, что везде можно хорошо порисоваться, если ничто не мешает. Он чувствует, что он и в литературе господин, и на балах не последний, и сам дает балы и, наконец, что он — государственный человек. Он ни от чего не прочь, о чем бы ему ни лгать<?> Обед со всякими лабарданами и винами дал изобразительн<ую> словоохотность и красноречие его языку. — Чем далее, тем более входит всеми чувствами в то, что говорит, и потому выражает многое почти с жаром. Не имея никакого желанья надувать, он позабывает сам, что лжет. Ему уже кажется, что он действительно всё это производил. Поэтому сцена, когда он говорит о себе как о государственном человеке, способна точно смутить чиновника. Особенно в то время, когда он рассказывает, как распекал всех до единого в Петербурге, является в лице важность и все

атрибуты и всё, что угодно. Будучи сам неоднократно распекаем, он это должен мастерски изобразить в речах: он почувствовал в это время особенное удовольствие [распечь наконец и самому] других, хотя в [рассказах] Он бы и подальше добрался в речах своих, но язык его уже не оказался больше годным; по какой причине чиновники нашлись принужденными отвести его, с почтеньем и страхом, на отведенный ночлег.

Проснувшись, он тот же Хлестаков, каким и был прежде. Он даже не помнит, чем напугал всех. В нем попрежнему никакого соображения и глупость во всех поступках. Влюбляется он и в мать и в дочь почти в одно <время>. Просит денег, потому что это как-то само собой срывается с языка и потому что уже у первого он попросил, и тот с готовностью предложил. Только к концу акта он догадывается, что его принимают за кого-то повыше. Но если бы не Осип, которому кое-как удалось ему несколько растолковать, что такой обман не долго может продолжаться, он бы преспокойно дождался толчков и проводов со двора не с честью. Хотя это лицо фантазмагориче-

ское, лицо, которое, как лживый, олицетворенный обман, унеслось, вместе с тройкой, бог весть куда, но тем не менее нужно, чтоб эта роль досталась лучшему актеру, какой ни есть, потому что она всех труднее. Этот пустой человек и ничтожный характер заключает в себе собрание многих тех качеств, которые водятся и не за ничтожными людьми. Актер особенно не должен упустить из виду это желанье порисоваться, которым более или менее заражены все люди и которое больше всего отразилось в Хлестакове, желанье ребяческое, но оно [бывает] у многих умных и старых людей, так что редкому на веку своем не случилось в каком-либо деле отыскать его. Словом, актер для этой роли должен иметь очень многосторонний талант, который бы умел выражать разные черты человека, а не какие-нибудь постоянные, одни и те же. Он должен быть очень ловким светским человеком, иначе не будет в силах выразить наивно и простодушно ту пустую светскую ветренность, которая несет человека во все стороны поверх всего, которая в таком значительном количестве досталась Хлестакову.

Последняя сцена „Ревизора“ должна быть особенно сыграна умно. Здесь уже не шутка, и положение многих лиц почти трагическое. Положение городничего всех разительней. Как бы то ни было, но увидеть себя вдруг обманутым так грубо и притом пустейшим, ничтожнейшим мальчишкой, который даже видом и фигурой не взял, будучи похож на спичку. (Хлестаков, как известно, тонинькой, прочие все толсты)... Быть им обманутым — это не шуточное. Обмануться так грубо тому, который умел проводить умных людей и даже искуснейших плутов. Возвещенье о приезде наконец настоящего ревизора для него громовый удар. Он окаменел. Распростертые его руки и закинутая назад голова остались неподвижны, и вокруг него вся действующая группа составляет в одно мгновение окаменевшую группу в разных положениях.

[Вся эта] сцена есть немая картина, а потому должна быть так же составлена, как составляются живые картины. Всякому лицу должна быть назначена поза, сообразная с его характером, со степенью боязни его и с потрясением, которое должны произвести слова,

возвестившие о приезде настоящего ревизора. Нужно, чтобы эти позы никак не встретились между собою и были бы разнообразны и различны; а потому следует, чтобы каждый помнил свою и мог бы вдруг ее принять, как только поразится его слух роковым известием. Сначала выйдет это принужденно и будет походить на автомат, но потом, после нескольких репетиций, по мере того, как каждый актер войдет поглубже в положение свое, данная поза ему усвоится, станет естественной и принадлежащей ему. Деревянность и неловкость автоматом исчезнет, и покажется, как бы сама собой вышла онемевшая картина.

Сигналом перемены положений может послужить тот небольшой звук, который исходит из груди у женщин при какой-нибудь внезапности. Одни понемногу приходят в положение, данное для немой картины, начиная [переходить] в него уже при появлении вестника с роковым известием: это — которые меньше, другие вдруг — это те, которые больше поражены. Не дурно первому актеру оставить на время свою позу и посмотреть са-

тому несколько раз на эту картину в качестве зрителя, чтобы видеть, что́ нужно ослабить, усилить, смягчить, дабы вышла картина естественнее.

Картина должна быть установлена почти вот как:

Посредине городничий, совершенно онемевший и остолбеневший. По правую его руку жена и дочь, обращенные к нему с испугом на лице. За ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям. За ним Лука Лукич, весь бледный, как мел. По левую сторону городничего Земляника с приподнятыми кверху бровями и пальцами, поднесенными ко рту, как человек, который чем-то сильно обжегся. За ним судья, присевший почти до земли и сделавший губами гримасу, как бы говоря: „Вот тебе, бабушка, и <Юрьев день>“. За ними Добчинский и Бобчинский, уставивши глаза и разинувши рот, глядят друг на друга. Гости в виде двух групп по обеим сторонам: одна соединяется в одно общее движение [стараясь] заглянуть в лицо [городничего]. Чтобы завязалась группа ловче и непринужденней, все-

го лучше поручить художнику, умеющему сочинять группы, сделать рисунок и держаться рис<унка>. Если только каждый из актеров вошел хоть сколько-нибудь во все положения ролей своих, во всё продолжение представления пиэсы, то они выразят также и в этой немой сцене положенье разительное ролей своих, увенчая этой сценой еще более совершенство игры своей. Если же они пребывали холодны и натянуты во время представления, то останутся так же и холодны и натянуты как здесь, с тою разницею, что в этой немой сцене еще более обнаружится их неискусство.

Развязка Ревизора **Действующие лица**

Первый комический актер — Михайло Семенович Щепкин.

Хорошенькая актриса.

Другой актер.

Федор Федорыч, любитель театра.

Петр Петрович, человек большого света.

Семен Семеныч, человек тоже немалого света, но в своем роде.

Николай Николаич, литературный человек.

Актеры и актрисы.

Первый комический актер (выходя на сцену). Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, в этот раз точно хорошо сыграл, и рукоплесканье публики досталось недаром. Если чувствуешь это сам, если не стыдно перед самим собой, то, значит, дело было сделано как следует.

Входит толпа актеров и актрис.

Другой актер (с венком в руке). Михайло Семеныч[1]

это уж не публика, это мы подносим вам венок. Публика раздает венки не всегда с строгим разбором; достается от нее венок и не за большие услуги, но если своя братья — товарищи, которые подчас и завистливы и несправедливы, если своя братья — товарищи поднесут кому с единодушного приговора венок, то, значит, такой человек точно достоин венка.

Первый комический актер (принимая венок). Товарищи, умею ценить этот венок.

Другой актер. Нет, не в руке держать; наденьте-ка на голову!

Все актеры и актрисы. На голову венок!

Хорошенькая актриса (выступая вперед, с повелительным жестом). Михайло Семеныч, венок на голову!

Первый комический актер. Нет, товарищи, взять венок от вас возьму, но надеть на голову — не надену. Другое дело — принять венок от публики, как обычное выражение приветствия, которым она награждает всякого, кто удостоился ей понравиться; не надеть такого венка значило бы показать пренебрежение к ее вниманью. Но надеть венок посреди себе равных товарищей, — господа, для этого нужно иметь слишком много самонадеянной уверенности в себе.

Все. Венок на голову!

Хорошенькая актриса. На голову венок, Михайло Семеныч!

Другой актер. Это наше дело; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надеть его, а потом мы вам скажем, зачем вас увенчали. Вот так. Теперь слушайте: за то вам венок, что вот уже слишком двадцать лет, как вы посреди нас, и нет из нас никого, который был бы когда-либо вами обижен; за то, что вы всех нас

ревностней делали свое дело и сим одним внушали охоту не уставать на своем поприще, без чего вряд ли у нас достало бы сил. Какая посторонняя сила может так подтолкнуть, как подтолкнет товарищ своим примером? За то, что вы не об одном себе думали, не о том хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всяк не оплошал так же в своей роли, и никому не отказывали в совете, никем не пренебрегали. За то, наконец, что так любили дело искусства, как никто из нас никогда не любил его. — И вот вам за что подносим теперь все до единого венки.

Первый комический актер (растроганный). Нет, товарищи, не было так, но хотел бы, чтобы было так.

Входят Федор Федорыч, Семен Семеныч, Петр Петрович и Николай Николаич.

Федор Федорыч (бросившись обнимать первого актера). Михайло Семеныч! Себя не помню, не знаю, что и сказать об игре вашей: вы никогда еще так не играли.

Петр Петрович. Не почтите слов моих за лесть, Михайло Семеныч, но я должен при-

знать, не встречал, — а могу сказать нехвастовски, был на всех первоклассных театрах Европы, видел лучших актеров, — не встречал подобной игры, не примите моих слов за лесть.

Семен Семеныч. Михайло Семеныч (в бесилии выразить словом, выражает движеньем руки), вы просто Асмодей!

Николай Николаич. В таком совершенстве, в такой окончательности, так сознательно и в таком соображеньи всего исполнить роль свою — нет, это что-то выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество.

Федор Федорыч. Венец искусства — и больше ничего! Здесь-то, наконец, узнаешь высокой смысл искусства. Ну, что́ есть, например, привлекательного в том лице, которое вы сейчас представляли? Как можно доставить наслаждение зрителю в коже какого-нибудь плута? — а вы его доставили. Я плакал; но плакал не от участия к положенью лица, плакал от наслаждения. Душе стало светло и легко. Легко и светло от того, что выставили все оттенки плутовской души, что дали ясно увидеть, что́ такое плут.

Петр Петрович. Позвольте однако ж, оставивши в сторону мастерскую обстановку пиэсы, подобной которой, признаюсь, не встречал, — а могу сказать нехвастовски, был на лучших театрах, — уж не знаю, кому за это обязан автор: вам ли, господа, или начальству наших театров, — вероятно тому и другому вместе, но подобная обстановка вынесет хоть какую пиэсу. Не примите моих слов за лесть, господа. Позвольте однако ж, оставивши всё это в сторону, сделать мне замечанье насчет самой пиэсы, то самое замечанье, которое сделал я назад тому десять лет, во время ее первого представления: не вижу я в „Ревизоре“, даже и в том виде, в каком он дан теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пиэса нужна обществу.

Семен Семеныч. Я даже вижу вред. В пиэсе выставлено нам унижение наше; не вижу я любви к отечеству в том, кто писал ее. И притом, какое неуважение, какая даже дерзость... я уж этого даже не понимаю: как сметь сказать в глаза всем: „Что смеетесь? — над собой смеетесь!“

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, ты позабыл: ведь это не автор говорит, ведь это говорит городничий; это говорит рассердившийся, раздосадованный плут, которому, разумеется, досадно, что над ним смеются.

Петр Петрович. Позвольте, Федор Федорыч, позвольте вам однако ж заметить, что слова эти точно произвели странное действие; и, вероятно, не одному из сидевших в театре показалось, что автор как бы к нему самому обращает эти слова: „над собой смейтесь!“ Говорю это... вы не примите моих слов, господа, за какое-нибудь личное нерасположение к автору, или предубеждение, или... словом не то, чтобы я имел что-нибудь противу него, понимаете; но говорю вам мое собственное ощущение: мне показалось, точно как бы в эту минуту стоит передо мною человек, который смеется над всем, что ни есть у нас: над нравами, над обычаями, над порядками и, заставивши нас же посмеяться над всем этим, нам же говорит в глаза: вы над собой смеетесь.

Первый комический актер. Позвольте здесь мне сказать слово: вышло это само собой. В

монологе, обращенном к самому себе, актер обыкновенно обращается к стороне зрителей. Хотя городничий был в беспамятстве и почти в бреду, но не мог не заметить усмешки на лицах гостей, которую возбудил он смешными своими угрозами всех обманувшему Хлестакову, который в это время несется во весь дух себе на почтовых, бог весть, в каких краях. Намеренья у автора дать именно тот смысл, о котором вы говорите, не было никакого: я это вам говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пиэсы. Но позвольте мне с моей стороны сделать запрос: ну, что если бы у сочинителя точно была цель показать зрителю, что он над собой смеется?

Семен Семеныч. Благодарю за комплимент! Я по крайней мере не нахожу в себе ничего общего с выведенными в „Ревизоре“ людьми. Извините. Не хвастаюсь, что я не без пороков, так же, как и все люди; но всё же я не похож на них. Это уж слишком! В эпиграфе выставлено: „На зеркало нечего пенять, если рожа крива!“ Петр Петрович, я спрашиваю у вас: разве у меня рожа крива? Федор Федорыч, я спрашиваю у тебя: разве у меня рожа

крива? Николай Николаич, у тебя я спрашиваю: рожа у меня крива?

(Обращаясь ко всем другим) Господа, я у вас всех спрашиваю, скажите мне: разве у меня рожа крива?

Федор Федорыч. Но, друг мой, Семен Семеныч, странный и ты опять вопрос задал. Ведь ты же опять и не красавец, как и мы все грешные. Нельзя же сказать уж так напрямик, чтобы твое лицо было образец образцом. Как ни рассмотри, немножко косовато, ну, а что косо, то уж и криво.

Петр Петрович. Господа, вы вдалились совершенно в другой вопрос. Это лежит на совести всякого человека; нам смешно и трактовать о том, у кого лицо криво, а у кого нет. Но вот в чем главное дело, позвольте мне вновь возвратиться к тому же: не вижу я большого разума в комедии, не вижу цели, по крайней мере в самом сочинении это не обнаруживается.

Николай Николаич. Но какой же вы хотите еще цели, Петр Петрович? Искусство уже в самом себе заключает свою цель. Стремление к прекрасному и высокому — вот искусство.

Это непрременный закон искусства; без этого искусство — не искусство. А потому ни в каком случае не может быть оно безнравственно. Оно стремится непременно к добру, положительно или отрицательно: выставляет ли нам красоту всего лучшего, что ни есть в человеке, или же смеется над безобразием всего худшего в человеке. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть в человеке, и выставишь ее таким образом, что всякой из зрителей получит к ней полное отвращение, спрашиваю: разве это уже не похвала всему хорошему? спрашиваю: разве это не похвала добру?

Петр Петрович. Бесспорно, Николай Николаич; но позвольте однако же вам...

Николай Николаич (не слушая). Не то дурно, что нам показывают в дурном дурное, и видишь, что оно дурно во всех отношениях; но то дурно, если нам так его выставляют, что не знаешь, злое ли оно или нет, то дурно, когда делают привлекательным для зрителя злое, то дурно, что мешают его в такой степени с добром, что не знаешь, к которой стороне пристать, то дурно, что доброе показывают нам таким образом, что в добре не видишь

добра.

Первый комический актер. Клянусь, истинная правда, Николай Николаич! вы сказали то, в чем я всегда был убежден, но не умел только так хорошо высказать. То дурно, что в добре не видишь добра. А этот грех водится за всеми модными драмами, которыми должны мы тешить публику. Зритель выходит из театра и сам не знает решить, что такое он видел: злой ли человек или добрый был перед ним. К добру не влечет его, от зла не отталкивает, и остается он точно как во сне, не извлекая из того, что видел, никакого для себя правила, к чему-нибудь пригодного в жизни, сбившись даже и с той дороги, по которой шел, готовый пойти за первым, кто поведет, не спрашивая, куда и зачем.

Федор Федорыч. И прибавьте, Михайло Семеныч, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только он истинный артист в душе.

Первый комический актер. Не говорите этого; ваши слова метят в самое сердце. Не можете постигнуть, как подчас бывает горько. Учишь, разучиваешь эту роль, и не зна-

ешь сам, какое ей дать выраженъе. Иногда забудешься, войдешь в положенъе лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чем ты его потряс, — противен станешь самому себе, хотел бы просто провалиться сквозь землю, и от рукоплесканий горишь, как от собственного стыда. Я и решительно не знаю, что хуже: выставлять ли преступленья таким образом, чтобы зритель готов был с ними почти примириться, или же выставлять подвиги добра в таком виде, что зритель не закипит весь желаньем с ним подружиться? То и другое по мне — гниль, а не искусство. Глубоко сказал Николай Николаич: то дурно, когда в добре не видишь добра.

Другой актер. Справедливо, справедливо: то дурно, когда в добре не видишь добра.

Петр Петрович. Противу этого я не могу сказать решительно никакого возражения. Николай Николаич сказал глубоко; Михайло Семеныч развил еще больше. Но всё это не ответ на мой вопрос. То, что вы сейчас сказали, то есть, чтобы хорошее выставлено было действительно с силой магической, увлекающей не только человека хорошего, но даже и дур-

ного, а дурное изображено было в таком презрительном виде, чтобы зритель не только не почувствовал желал бы примириться с выведенными лицами, но, напротив, желал бы поскорей их оттолкнуть от себя, — всё это, Николай Николаич, должно быть непременно условием всякого сочинения. Это даже и не цель. Всякое сочинение должно иметь сверх этого всего свое собственное, личное выражение, Николай Николаич, иначе пропадет его оригинальность, Николай Николаич, — понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу в „Ревизоре“ того большого значенья, которое придают ему другие. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачем предпринято такое-то сочинение, на что именно бьет оно, к чему клонится, что нового хочет доказать собой. Вот что, Николай Николаич, а не то, что вы говорите вообще об искусстве.

Николай Николаич. Петр Петрович, да как же вы говорите, к чему клонится... ведь это... ведь это видно.

Петр Петрович. Николай Николаич, это не видно. Не вижу я никакой особенной цели этой комедии, обнаруженной в самом сочине-

нии; или, может быть, автор с каким-нибудь умыслом скрыл ее; в таком случае это выдет уже преступленье пред искусством, Николай Николаич, чтò вы себе ни говорите. Разберемте-ка сурьезно эту комедию: ведь „Ревизор“ совсем не производит того впечатленья, чтоб зритель после него освежился; напротив, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали бесплодное раздраженье, другие даже озлобленье, а вообще всяк унес какое-то тягостное чувство. Несмотря на всё удовольствие, которое возбуждают ловко найденные сцены, на комическое даже положенье многих лиц, на мастерскую даже обработку некоторых характеров, в итоге остается что-то эдакое... я вам даже объяснить не могу, — что-то чудовищно-мрачное, какой-то страх от беспорядков наших. Самое это появленье жандарма, который, точно какой-то палач, является в дверях, это окамененье, которое наводят на всех его слова, возвещающие о приезде настоящего ревизора, который должен всех их истребить, стереть с лица земли, уничтожить в конец — всё это как-то необъяснимо страшно! Признаюсь вам достоверно, *à la lettre*, на меня

ни одна трагедия не производила такого печального, такого тягостного, такого безотрадного чувства. Так что я готов подозревать даже, не было ли у автора какого-нибудь особенного намерения произвести такое действие последней сценой своей комедии. Не может быть, чтобы это вышло так само собой.

Первый комический актер. А вот, наконец, догадались сделать этот запрос. Десять лет играет на сцене „Ревизор“. Все, более или менее, нападали на тягостное впечатление, им производимое, а никто не дал запроса, зачем было производить его? — точно как будто бы автор должен был писать свою комедию, очертя голову и не зная сам, к чему она и что выдет из нее. Дайте же ему хотя каплю ума, в котором вы не отказываете ни одному человеку. Ведь, верно же, есть причина всякому поступку, даже и в глупом человеке.

(Все смотрят на него с изумленьем).

Петр Петрович. Михайло Семеныч, объяснитесь: это что-то неясно.

Семен Семеныч. Это пахнет какою-то загадкой.

Первый комический актер. Да как же в са-

мом деле вы не заметили, что „Ревизор“ без конца?

Николай Николаич. Как без конца?

Семен Семеныч. Да какой же еще конец? Пять действий; в шести комедия и не бывает. — Разве новая побранка в придачу?

Петр Петрович. Позвольте, однако ж, заметить вам, Михайло Семеныч, что же за пьеса, которая без конца? я спрашиваю вас. Неужели и это в законе искусства? Николай Николаич! Ведь это, по-моему, значит принести, поставить перед всеми запертую шкатулку и спрашивать, что в ней лежит?

Первый комический актер. Ну, да если она поставлена перед вами с тем именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петр Петрович. В таком случае нужно, по крайней мере, сказать это или же просто дать ключ в руки.

Первый комический актер. Ну, а если и ключ лежит тут же возле шкатулки?

Николай Николаич. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Верно, вам автор дал в руки этот ключ, а вы держите его и секретничаете.

Федор Федорыч. Объявите, Михайло Семеныч; я не в шутку заинтересован знать, что в самом деле может здесь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семен Семеныч. Дайте же открыть нам эту загадочную шкатулку. Что это за странная такая шкатулка, которая, неизвестно зачем нам поднесена, неизвестно зачем перед нами поставлена и, неизвестно зачем от нас заперта?

Первый комический актер. Ну, а что ж если она откроется так, что станете удивляться, как не открыли сами, и если в шкатулке лежит вещь, которая для одних, что старый грош, вышедший из употребления, а для других, что светлый червонец, который век в цене, как ни меняется на нем штемпель?

Николай Николаич. Да полно вам с вашими загадками! Нам подавайте ключ и ничего больше!

Семен Семеныч. Ключ, Михайло Семеныч!

Федор Федорыч. Ключ!

Петр Петрович. Ключ!

Все актеры и актрисы. Михайло Семеныч! ключ!

Первый комический актер. Ключ? Да при-

мете ли вы, господа, этот ключ? может быть, швырнете его прочь вместе с шкатулкой?

Николай Николаич. Ключ! не хотим больше ничего слышать. Ключ!

Все. Ключ!

Первый комический актер. Извольте, я дам вам ключ. От комического актера вы, может быть, не привыкли слышать таких слов, но что ж делать? в этот день сердце мое разогрелось, мне стало легко, и я готов всё сказать, что ни есть у меня на душе, как бы вы ни приняли слова мои. Нет, господа, не давал мне автор ключа, но бывают такие минуты состояния душевного, когда становится самому понятным то, что прежде было непонятно. Нашел я этот ключ, и сердце мое говорит мне, что он тот самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говорит мне, что не мог иметь другой мысли сам автор.

Всмотритесь-ка пристально в этот город, который выведен в пиесе: все до единого согласны, что такого города нет во всей России, не слыхано, чтобы где были у нас чиновники все до единого такие уроды; хоть два, хоть три бывает честных, а здесь ни одного. Сло-

вом, такого города нет. Не так ли? Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас? Нет, взглянем на себя не глазами светского человека, — ведь не светский человек произнесет над нами суд, — взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами того, кто позовет на очную ставку всех людей, перед которым и наилучшие из нас, не позабудьте этого, потупят от стыда в землю глаза свои, да и посмотрим, достанет ли у кого-нибудь из нас тогда духу спросить: „Да разве у меня рожка крива?“ Чтобы не испугался он так собственной кривизны своей, как не испугался кривизны всех этих чиновников, которых только-что видел в пиесе. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, не говорите: „это старые речи“, или „это уже мы сами знаем“, — дайте ж, наконец, уж и мне сказать слово. Что ж в самом деле, как будто я живу только для скороморшничества? Те вещи, которые нам даны с тем, чтобы помнить их вечно, не должны быть старыми: их нужно принимать как новость, как бы в первый раз только их слышим, — кто бы их ни произносил нам, — тут нечего глядеть на лицо того, кто говорит их.

Нет, Семен Семеныч, не о красоте нашей должна быть речь, но о том, чтобы в самом деле наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедию, да не кончилась бы такой трагедией, какою не кончилась эта комедия, которую только что сыграли мы. Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по именному высшему повелению он послан и возвестится о нем тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад. Вдруг откроется перед тобою, в тебе же, такое страшилище, что от ужаса подыметя волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее. На место пустых разглагольствований о себе и похвальбы собой, да побывать теперь же в безобразном душевном нашем городе, который в несколько раз хуже всякого другого города, в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники, воруя казну соб-

ственной души нашей! В начале жизни взять ревизора и с ним об руку переглядеть всё, что ни есть в нас, настоящего ревизора, не подложного! не Хлестакова! Хлестаков — щелкопёр, Хлестаков — ветренная светская совесть, продажная, обманчивая совесть, Хлестакова подкупят как раз наши же, обитающие в душе нашей, страсти. С Хлестаковым под руку ничего не увидишь в душевном городе нашем. Смотрите, как всякой чиновник с ним в разговоре вывернулся ловко и оправдался. Вышел чуть не святой. Думаете, не хитрей всякого плута-чиновника каждая страсть наша, и не только страсть, даже пустая, пошлая какая-нибудь привычка? Так ловко перед нами вывернется и оправдается, что еще почетешь ее за добродетель и даже похвастаешься перед своим братом и скажешь ему: „Смотри, какой у меня чудесный город, как в нем всё прибрано и чисто!“ Лицемеры — наши страсти, говорю вам, лицемеры, потому что сам имел с ними дело. Нет, с ветренной светской совестью ничего не разглядишь в себе: и ее самую они надувают, и она надувает их, как Хлестаков чиновников, и потом пропадет са-

ма, так что и следа ее не найдешь. Останешься как дурак-городничий, который занесся было уже нивесть куда, и в генералы полез, и наверняка стал возвещать, что сделается первым в столице, и другим стал обещать места, и потом вдруг увидел, что был кругом обманут и одурачен мальчишкою, верхоглядом, вертопрахом, в котором и подобья не было с настоящим ревизором. Нет, Петр Петрович, нет, Семен Семеныч, нет, господа, все, кто ни держитесь такого же мненья, бросьте вашу светскую совесть. Не с Хлестаковым, но с настоящим ревизором оглянем себя! Клянусь, душевный город наш стòит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый государь о своем государстве. Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев! Есть средство, есть бич, которым можно выгнать их. Смехом, мои благородные соотечественники! Смехом, которого так боятся все низкие наши страсти! Смехом, который создан на то, чтобы смеяться над всем, чтò позорит истинную красоту человека. Возвратим смеху его настоящее значенье! Отнимем его у тех, которые

обратили его в легкомысленное светское кощунство над всем, не разбирая ни хорошего, ни дурного! Таким же точно образом, как посмеялись над мерзостью в другом человеке, посмеемся великодушно над мерзостью собственной, какую в себе ни отыщем! Не одну эту комедию, но всё, что бы ни показалось из-под пера какого бы то ни было писателя, смеющегося над порочным и низким, примем прямо на свой собственный счет, как бы оно именно было на нас лично написано: всё отыщешь в себе, если только опустишься в свою душу не с Хлестаковым, но с настоящим и неподкупным ревизором. Не возмутимся духом, если бы какой-нибудь рассердившийся городничий или, справедливей, сам нечистый дух, шепнул его устами: „Что смеетесь? над собой смеетесь!“ Гордо ему скажем: „Да, над собой смеемся, потому что слышим благородную русскую нашу породу, потому что слышим приказанье высшее быть лучшими других!“ Соотечественники! Ведь у меня в жилах тоже русская кровь, как и у вас. Смотрите: я плачу! Комический актер, я прежде смешил вас, теперь я плачу. Дайте мне почувствовать,

что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас, что я так же служу земле своей, как и все вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморох, созданный для потехи пустых людей, но честный чиновник великого божьего государства и возбудил в вас смех, — не тот беспутный, которым пересмекает в свете человек человека, который рождается от бездельной пустоты праздного времени, но смех, родившийся от любви к человеку. Дружно докажем всему свету, что в русской земле всё, что ни есть, от мала до велика, стремится служить тому же, кому всё должно служить что ни есть на всей земле, несется туда же (*взглянувши наверх*) кверху! к верховной вечной красоте!

Вторая редакция окончания «Развязки Ревизора» [2]

Семен Семенович. Что, что, Михал Михалч, что вы говорите, какой душевный город?

Михал Михалч. Мне так показалось. Мне показалось, что это мой же душевный город; что последняя сцена представляет последнюю сцену жизни, когда совесть заставит взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и

испугаться самого себя. Мне показалось, что этот настоящий ревизор, о котором одно возмущенье в конце комедии наводит такой ужас, есть та настоящая наша совесть, которая встречает нас у дверей гроба. Мне показалось, что этот ветреник Хлестаков, плут или как хотите назвать, есть та поддельная ветренная светская наша совесть, которая, воспользовавшись страхом нашим, принимает вдруг личину настоящей и дает себя подкупить страстям нашим, как Хлестаков — чиновникам, и потом пропадает так же, как он, неизвестно куда. Мне показалось, что это безотрадно-печальное окончанье, от которого так возмутился и потрясся зритель, предстало перед меня в напоминанье, что и жизнь, которую привыкаем понемногу считать комедией, может иметь такое же печально-трагическое окончание. Мне показалось, как будто вся комедия совокупностью своею говорит мне о том, что следует в начале взять того ревизора, который встречает нас в конце, и с ним так же, как правосудный государь ревизует свое государство, оглядеть свою душу и вооружиться так же против страстей, как во-

оружается государь противу продажных чиновников, потому что они так же крадут сокровища души нашей, как те грабят казну и достоянье государства, — с настоящим ревизором, потому что лицемерны наши страсти и не только страсти, во даже малейшая пошлая привычка умеет так искусно подъехать к нам и ловко перед нами изворотиться, как не изворотились перед Хлестаковым проныры чиновники, так что готов даже принять их за добродетели, готов даже похвастаться порядком душевного своего города, не принимая и в мысль того, что можешь остаться обманутым, как городничий. Мне так показалось.

Петр Петрович. Михал Михалч! Всё то, что вы говорите, красноречиво; но где здесь вы нашли подобие? Какое сходство Хлестакова с ветренной светской совестью или настоящего ревизора с настоящей совестью? Николай Николаич. Скажите мне поистине: находите вы здесь какое-нибудь сходство?

Николай Николаич. Признаюсь, никакого.

Семен Семенч. И я тоже как ни таращу свои глаза, но ничего не вижу.

Федор Федорыч. Сознаюсь вам, Михал Михалч, откровенно, несмотря на то, мысль не дурна и могла бы послужить даже предметом сочиненья художественного; но я не думаю, чтобы автор ее имел в виду.

Николай Николаич (решительно). Вздор! Он и в помышленьи этого не имел!

Михал Михалч. Да разве я вам говорю, что автор имел ее в виду? Я вам вперед сказал. Автор не давал мне ключа. Я вам предлагаю свой. Автор, если бы даже и имел эту мысль, то и в таком случае поступил бы дурно, если бы ее обнаружил ясно. Комедия тогда бы сбилась на аллегория, могла бы из нее выйти какая-нибудь бледная, нравоучительная проповедь. Нет, его дело было изобразить просто ужас от беспорядков вещественных, не в идеальном городе, а в том, который на земле, — собрать в кучку всё, что есть похуже в нашей земле, чтобы его поскорей увидали, и не считали бы этого за то необходимое зло, которое следует допустить и которое так же необходимо среди добра, как тени в картине. Его дело изобразить это темное так сильно, чтобы почувствовали все, что с ним надобно сражать-

ся, чтобы кинуло в трепет зрителя, и ужас от беспорядков пронял бы его насквозь всего. Вот, что он должен был сделать, а это уж наше дело выводить нравоученье. Мы, слава богу, не дети. Я подумал о том, какое нравоученье могу вывести для самого себя, и напал на то, которое вам теперь рассказал.

Петр Петрович. Михал Михалч! Комедия пишется для всех. Из нее должны вывести нравоученье все; нравоученье ближайшее, доступное всем, а не то отдаленное, которое может вывести для себя какой-нибудь оригинальный, не похожий на прочих человек. Спрашиваю: зачем этого нравоучения никто не вывел, а только одни вы?

Николай Николайч (поспешно). Именно! Вот настоящий вопрос! Разрешите-ка прежде это: зачем одни вы это вывели, а не все?

Семен Семенч. Да, Михал Михалч. Зачем одни вы это вывели? Зачем одни вы это вывели?

Михал Михалч. Во-первых, почему вы знаете, что это нравоученье вывел один я, а во-вторых, почему вы считаете его отдаленным? Я думаю, напротив, ближе всего к нам соб-

ственная наша душа. Я имел тогда в уме душу свою, думал о себе самом, потому и вывел это нравоученье. Если бы и другие имели в виду прежде себя, вероятно, и они вывели бы то же самое нравоученье, какое вывел и я. — Но разве всяк из нас приступает к произведению писателя, как пчела к цветку затем, что<б> извлечь из него нужное себе. Нет, мы ищем во всем нравоученья <для>

других, а не для себя. Мы готовы ратовать и защищать всё общество, дорожа заботливо нравственностью других и позабывши о своей. Ведь посмеяться мы любим над другими, а не над собой; увидеть недостатки ведь мы любим в других, а не в себе. Как бы то ни было, но взгляните: три тысячи ведь людей пришло в театр. Все знают, что пришли за тем, чтобы посмеяться, и всякой из этих трех тысяч уверен, что придется над другим посмеяться, а не над ним. Малейший намек, что он может быть похож сам на того, над кем посмеялся, может привести его в гнев и он готов уже в бешенстве повторять: да разве у меня рожа крива?

Семен Семеныч. Михал Михалч, я говорю

не в том смысле...

Михал Михалч (прерывая). Позвольте, Семен Семенч. Вы человек благородный, человек истинно русской в душе, человек, наконец, который смотрит уже глазами христианина на жизнь. Зачем вы произносите речи, противные вашему собственному образу мыслей? Прежде всего, зачем вы всякой раз позабываете, что предмет комедии и вообще сатиры — не достоинство человека, а презренное в человеке, что чем больше она выставила презренное презренным, чем больше им возмутила и привела от него в содроганье зрителя, тем больше она выполнила свое значение. Зачем вы всякой раз это позабываете и всякой раз хотите сатире навязать предметы, приличные трагедии? Нет, кто хочет нравоченья, тот возьмет его себе. Кто смотрит в душу себе, тот из всего возьмет то, что нужно, тот и в этом вещественном городе увидит душевный свой город; тот увидит, что с большей силой следует вооруж<иться> против лице<мерия>. Тот увидит, увидит, что и дело лежит здесь. Нет, оставьте сатиру в покое: она дело свое делает. Дурного не следует щадить,

где бы оно ни было. Но если хотите уж поступить христиански, обратите ту же сатиру на самого себя и примените всякую комедию <к себе>, прежде чем замечать отношение ее к целому обществу. Уж ежели действовать похристиански, так всякое сочиненье, где ни поражается дурное, следует лично обратиться к самому себе, как бы оно прямо на меня было написано. Вы сами знаете, что нет порока, замеченного нами в другом, которого хотя отраженья не присутствовало бы и в нас самих — не в таком объеме, в другом виде, в другом платье, поприличней и поблагообразней, принарядившись, как Хлестаков. Чего не отыщешь, если только заглянешь в свою душу с тем неподкупным ревизором, который встретит нас у дверей гроба. Сами это знаем, а знать не хотим. Кипит душа страстями, говорим всякой день, а гнать не хотим. И бич в руках, данный на то, чтобы гнать их.

<Семен Семеныч>. Да где ж бич? Какой бич?

<Михал Михалыч>. А смех разве не бич? Или, думаете, даром нам дан смех, когда и последний негодяй, которого ничем не прой-

мешь, его боится даже и тот, кто ничего не боится. Значит, он дан на доброе дело. Скажите: зачем нам дан смех? затем ли, чтобы так, попусту, смеяться? Если он дан нам на то, чтобы поражать им всё, позорящее высокую красоту человека, зачем же прежде всего не поразим мы то, что порочит красоту собственной души каждого из нас? Зачем не обратим его вовнутрь самих себя, не изгоняем им наших собственных взяточников? Зачем один намек о том, что вы над собой смеетесь, может привести во гнев?.. Как бы то ни было, но всякая страсть, всякая низкая склонность наша, всё-таки хочет сыграть сколько-нибудь благородную роль, принять благородную наружность и только под этой личиной пробирается нам в душу, потому что благородна наша природа и не допустит ее к себе в бесстыдной наготе. Но, поверьте, когда выставишь перед самим собой ее на смех и, не пощадя ничего, поразишь так, что от стыда весь сгоришь, не зная, куда скрыть собственное лицо свое, — тогда эта страсть не посмеет остаться в душе нашей и убежит, так что и следа ее не отыщешь.

Семен Семеныч. Признаюсь, ваши слова заставили меня задуматься. Вы думаете, возможен этот поворот смеха на самого себя, противу собственного <лица>?

Петр Петрович. Я думаю только, что это возможно для человека, который почувствовал благородство природы и омерзенье к своим недостаткам.

Михал Михалч. Я думаю только, что если он сверх <того> и русской в душе, тогда ему возможней. Согласитесь: смех у нас есть у всех; свойство какого-то беспощадного сарказма разнеслось у нас даже у простого народа. Есть также у нас и отвага оторваться от самого себя и не пощадить даже самого себя. Стало быть, у нас скорее может быть возможен поворот смеха на его законную дорогу. Опровергните меня, докажите мне, что я лгу; уничтожьте, разрушите убеждение мое, и вместе с тем разрушите уже и меня, бедного скомороха, который живет этим убеждением, который испробовал на собственном своем теле. Семен Семеныч, разве у меня не такая же русская кровь, как и у вас? Разве я могу почувствовать в мои высшие минуты иное что,

как не то же, что способны почувствовать и вы в такие? Разве я не стою теперь перед вами в мою высшую минуту? Служба моя кончилась. Я схожу с театра, на котором служил 20 лет. Вы сами меня увенчали венками, сами меня растрогали. Вы сами меня почти вынудили сказать то, что я теперь сказал. Смотрите же: я плачу. Комической актер, я прежде смешил вас — теперь я плачу. Дайте же мне почувствовать, что и мое поприще так же честно, как и всякого из вас; что я также служил земле своей, что не пустой я был скомо-рох, но честный чиновник великого божьего государства, и возбудил в вас не тот пустой смех, которым пересмежает человек человека, но смех, родившийся от любви к человеку. Николай Николаич! Федор Федорч! Семен Семеныч и вы все товарищи, с которыми делил я время труда, время наставительных бесед, от которых я многому поучился и с которыми расстаюсь теперь. Друзья! публика любила талант мой; но вы любили меня самого! Отнимите, отнимите после меня этот смех, — отнимите у тех, которые обратили его в кощунство над всем, не разбирая ни хорошего,

ни [дурного]. Говорю вам, — верьте этим словам, которые говорит душа впервые <?> в свою жизнь: он добр, он честен, этот смех. Он дан именно на то, чтобы уметь посмеяться над собой, а не над другим. И в ком уж нет духа посмеяться над собственными недостатками своими, лучше тому век не смеяться. Иначе смех обратится в клевету и, как за преступление, даст он за него ответ...

Далее следует в РМ15 послесловие: Пиэса под заглавием Заключение Ревизора предназначалась в прощальный бенефис одному из лучших актеров нашего театра. А потому не мешает помнить, что *первый комический актер*, который есть главное лицо в этой комедии, взят в ту минуту, когда, прослуживши законное число лет, сходит он со сцены, прощаясь навсегда с публикою, которую занимал так долго, и с товарищами, которым уж больше не товарищ.

Комментарии

I

Источники текста

а) Печатные

Р — Ревизор. Комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя. СПб., 1836. Первое издание. *Мск4*

— „Москвитянин“, 1841, часть II, № 4, отд. „Критика“, стр. 578–593. „Новые сцены в комедии „Ревизор“, с подписью: Гоголь. Первые 5 явлений четвертого действия в редакции второго издания. *Мск5*

— „Москвитянин“, 1841, часть III, № 5, отд. „Проза“, стр. 37–40 „Сцена“ с подписью: Гоголь. Вторая из дополнительных сцен (с Рас-таковским) в редакции второго издания. *Мск6*

— „Москвитянин“, 1841, часть III, № 6, отд. „Критика“, стр. 483–489. „Ревизор“, комедия в 5 действиях, Н. Гоголя, изд. 2, Москва, в тип. Н. Степанова, 1841, в четвертушку (Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору“). Первая публикация „Отрывка“. *Р2*

— Ревизор. Комедия, в пяти действиях, соч.

Н. Гоголя. Издание второе, исправленное, с приложениями. Москва, 1841.

П

— Сочинения Николая Гоголя. Том четвертый. СПб., 1842. Стр. 1-216. „Ревизор“ и Приложения.

Тр

— Сочинения Гоголя. Том четвертый. Москва, 1855. Стр. 1-222. „Ревизор“ и Приложения.

Тр

— Сочинения Гоголя. Том пятый. Москва, 1856. Стр. 412–442. „Развязка Ревизора“.

б) Рукописные

РМ9

— Записная книга Гоголя, из числа принадлежавших Л. Ф. Самарину. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

в Москве, № 3121, лл. 3-21. Первая (черновая) редакция „Ревизора“. *РМ9*

— Та же записная книга Гоголя, лл. 21 об. — 24. Дополнения к первой (черновой) редакции „Ревизора“. *РМ10*

— Писарская копия с разновременными поправками, приписками и вклейками Гого-

ля. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3214. Вторая редакция „Ревизора“. *РЛ6*

— Писарская копия с разновременными приписками Гоголя и других лиц, а также с пометами за подписью цензора Е. Ольдекопа. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, фонд 652, опись 1, № 2. Цензурный экземпляр второй редакции „Ревизора“. („Первоначальный сценический текст“, по определению Тихонравова).

Тих

— „Ревизор“. Комедия в пяти действиях. Сочинение Н. В. Гоголя. Первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Николаем Тихонравовым. М., 1886. *ТМ1*

— Писарская копия без авторской правки. Библиотека Московского Малого театра. Сценический текст „Ревизора“, изданный Тихонравовым в виде вариантов к *РЛ6*. *РЛ4*

— Отрывки из бумаг А. А. Иванова. Тетрадь Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, стр. 56. Черновой автограф монолога Хлестакова (в явлении 2-м четвертого действия) в редакции *Р2 РЛ4*

— Та же тетрадь, стр. 44–46. Черновые наброски „Отрывка из письма“. *РЛ5*

— Альбом автографов Гоголя из собрания Дашкова. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, фонд 652, опись 1, № 1, стр. 57–59. Явления 1–5 (и наброски 6–8) четвертого действия „Ревизора“, в копии М. П. Погодина с поправками и приписками Гоголя. Подлинник публикация в „Москвитяине“ (*Мск4*). *РЛ5*

— Тот же альбом, стр. 55. Копия неизвестным почерком, с поправками и приписками Гоголя (две дополнительные сцены в *P2*). *РЛ5*

— Тот же альбом, стр. 61. Копия тем же почерком, с поправками Гоголя („Отрывок из письма“). Подлинник публикации в „Москвитяине“ (*Мск6*).

РГ

— Экземпляр первого издания „Ревизора“ с разновременными поправками и приписками Гоголя на полях. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, № 2207.

РП

— Вшитая в тот же авторский экземпляр (вместо вырезанных стр. 109–114) тетрадь, со-

державшая копию (рукой В. А. Панова) первых пяти явлений четвертого действия в редакции Р2, с разновременными поправками Гоголя.

III

— Письмо Гоголя к Н. Я. Прокоповичу из Гастейна от 15/27 июля 1842 г., содержащее заключение вводной статьи „Характеры и костюмы“ и окончательную редакцию заключительной немой сцены. Библиотека Украинской Академии Наук в Киеве. РЛ7

— „Предупреждение“ к предполагавшимся изданиям „Ревизора“ с „Развязкой“ в пользу бедных. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, фонд 652, № 6, из архива П. В. Анненкова. Беловой автограф окончательной (краткой) редакции. РМ11

— То же Предупреждение. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3215/1. Черновой автограф пространной редакции. РМ12

— То же Предупреждение. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3215/1. Беловой с поправками авто-

граф пространной редакции. *PM13*

— „Предуведомление для тех, которые пожелали бы сыграть как следует Ревизора“. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3215/2. Черновой автограф. *PM14*

— То же, там же. Отрывок (начало) белового автографа.

КБ

— „Развязка Ревизора“, копия рукой О. М. Бодянского. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, фонд 652, оп. 2, № 92. Ранняя редакция.

КР

— „Развязка Ревизора“, писарская копия с того же оригинала, что и *КБ*. Из собрания К. Романова. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, фонд 652, оп. 2, № 61.

РЦ

— „Развязка Ревизора“, копия, выверенная С. Шевыревым и представленная П. Плетневым в цензуру. На копии надпись А. Никитенки „Печатать позволяется. Ноября 5 дня 1846“. Некоторые места зачеркнуты красными чер-

нилами (цензором). Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, фонд 652, оп. 2, № 1. Окончательная редакция. *PM15*

— Конец „Развязки Ревизора“ в исправленном виде (т. н. „Дополнение к Развязке“). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, № 3215/3. Черновой автограф. *PM16*

— Наброски отдельных мест второй редакции „Ревизора“. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, № 3215/5.

II.

В основном разделе настоящего тома печатается „Ревизор“ в последней из гоголевских редакций (*РГ* с поправками из *ПП*, *П* и *Тр*); гоголевские к нему Приложения, сопровождающие комедию, начиная со 2-го издания в 1841 г. — «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору» и „Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы“, которые тоже исправлены по *РЛ4* и *РЛ5*; наконец, Позднейшие приложения, которые Гоголь предполагал присоединить к „Ревизору“, но сам этого сделать не успел (два

„Предуведомления“ и „Развязка“). Текст комедии и Приложений сличен со всеми их изданиями, вышедшими при жизни Гоголя, а также со всеми вообще сохранившимися рукописями. Из этих последних те, которые представляют собой самостоятельные редакции „Ревизора“, воспроизведены отдельно, во втором разделе тома — „Другие редакции“ — наряду с первопечатной редакцией и особой редакцией отдельных сцен 2-го издания. Тексты же, не имеющие самостоятельной ценности, отражающие лишь с незначительными отклонениями редакцию, принятую за основную, подведены к этой последней, как ее различия, в третьем разделе тома („Варианты“).

Таким образом, три раздела тома в своей совокупности охватывают весь доступный ныне авторский текст „Ревизора“ — в виде автографов, авторизованных копий и авторских или авторизованных изданий.

Принятая в настоящем издании классификация редакций и соответственный порядок их воспроизведения выработаны на основании истории текста.

Самый ранний из сохранившихся рукописных текстов „Ревизора“ (РМ9) вписан самим Гоголем в переплетенную тетрадь из 57 листов, с записью на последнем листе рукою бывшего владельца тетради, Д. Ф. Самарина: „1879. От Д. Ф. Самарина“. Первые 24 листа этой тетради и заполнены текстом „Ревизора“: с 2-го листа по 20-й включительно идет сплошной текст комедии в целом; между листами 16 и 17 — один лист, содержащий явления 13, 14 и небольшую часть 15-го первого действия, был вырезан самим Гоголем и теперь утрачен. Листы 21–24 заняты самостоятельными отрывками отдельных явлений (3-го явления первого действия, 5-го явления третьего действия и 13-14-го явлений четвертого действия). Основная часть вписана убористо, торопливо и быстро без длительных, судя по чернилам и почерку, перерывов, всего, повидимому, в несколько дней. Торопливость сказалась между прочим в том, что имена и названия действующих лиц сплошь и рядом отсутствуют, или одно действующее лицо смешивается с другим; есть даже ничем не отмеченные пропуски целых реплик, не

давшихся, очевидно, Гоголю сразу и потому, чтоб не задерживаться на них, даже и не намеченных. Один из трех самостоятельных набросков (5-го явления действия третьего) как раз служит восполнением такого пропуска в сплошном тексте. Сходного происхождения и три других дополнительных отрывка. Вообще все четыре отрывка тесно примыкают к сплошному тексту именно как исправленный и более развитый вариант соответствующих мест и потому как бы образуют уже переходное звено к дальнейшим редакциям „Ревизора“. Нет, напротив, никаких данных для предположения о подобном переходном характере сплошного текста: он, как видно, — не только черновик, но и черновик первоначальный, с которого Гоголь и начал свою не прекращавшуюся уже потом до конца жизни работу над комедией.

Тем важнее установить по возможности точно дату черновика.

Самаринская тетрадь, кроме „Ревизора“, содержит еще: историко-географические наброски под заглавием «Вселенная или история и описание всех народов», связанные, по

предположению Тихонравова, с задуманным Гоголем в 1833 году учебным пособием „Земля и люди“; наброски статьи „О движении журнальной литературы в 1834–1835 гг.“, над которой Гоголь работал с января 1836 г.; наброски статьи „Москва и Петербург“, относящиеся не ранее чем ко второй половине 1835 г.; и, наконец, две рецензии на книги, изданные в 1836 г. (См. описание в 7-м томе 10-го изд. Соч. Гоголя, стр. 918–940). Из этого перечня, правда, видно, что нашей тетрадью Гоголь пользовался преимущественно в 1835 г. и позже; раньше же если и пользовался (для набросков к замыслу „Земля и люди“), то, во всяком случае, несистематично, случайно. Однако сделать прямо отсюда вывод о времени записи „Ревизора“ мешает характер расположения в тетради текста — с одной стороны, этого последнего, а с другой — всего остального; перечисленные наброски вписаны в тетрадь с другого конца и в обратном, чем „Ревизор“, направлении. Внесение в тетрадь набросков могло, следовательно, хронологически с записью „Ревизора“ не совпадать. И, например, предположение, что он был вписан

годом или двумя раньше набросков, в самой рукописи опровержения себе не нашло бы. Ввиду такой неясности, при поисках исходной даты для „Ревизора“ необходимо обращаться, кроме рукописи, к побочным источникам: к письмам Гоголя, к письмам его современников и к мемуарам.

Письма Гоголя и его друзей за первую половину 30-годов содержат ряд высказываний о гоголевских замыслах „комедии“, — высказываний, редко упоминающих самое заглавие комедии и не всегда поэтому позволяющих его угадать. Отсюда — сбивчивость и противоречия в приурочении исследователями этих высказываний к каждой из тех трех комедий, над которыми в 30-е годы Гоголь трудился. В частности о „Ревизоре“, по мнению Тихонравова, Шенрока, Каллаша и других, могло упоминать уже письмо Гоголя к М. А. Максимовичу от 14 августа 1834 г.: „На театр здешний я ставлю пиесу... да еще готовлю из-под полы другую“. „Ставить“, как известно из других источников, Гоголь тогда собирался „Женитьбу“; „готовил“ же „из-под полы“, как думают названные исследователи, „Ревизи-

ра“. И „готовил“, по их мнению, довольно уже давно, потому что о „Ревизоре“ же, как думают, говорила лаконическая запись в Дневнике Пушкина под 3 мая 1834 г.: „Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал Вяземского на свой вечер...“, [3] а также и еще более ранний запрос Пушкина в письме к В. Ф. Одоевскому от 30 октября 1833 г.: „Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть закорючка“. [4] Но неосновательность последнего приурочения разоблачается просто содержанием „Ревизора“: суждения Хлестакова о бароне Брамбеусе и „Библиотеке для чтения“ есть уже в первоначальном черновике и, следовательно, возникновение последнего никак не может быть старше журнальной карьеры Сенковского, начало которой падает только на январь 1834 г. Несостоятельны приурочения к „Ревизору“ и двух более ранних упоминаний о гоголевской комедии. Если бы Дашков в мае 1834 г. приглашал Вяземского на чтение, действительно, „Ревизора“ (а не „Женитьбы“), Вяземский не стал бы полтора года спустя, в письме к А. И. Тургеневу, 19 января 1836 г., пересказывать как новость содержа-

ние „Ревизора“, тут же называя его „новой комедией“.[5] Не о „Ревизоре“, наконец, писал Максимовичу и сам Гоголь (14 августа 1834 г.), а, вероятно, о неприемлемом для цензуры „Владимире 3 степени“, — почему и употреблено выражение „из-под полы“; отказался от этой первой своей комедии Гоголь не так-то скоро: даже и в 1835 г. (в феврале — марте) он не отказывается еще прочесть ее приехавшему в Петербург Погодину в качестве одной „из двух своих комедий“, причем под второй, как и в августовском письме к Максимовичу, подразумевалась будущая „Женитьба“.[6] Ни под 1834 годом, ни тем более под 1833-м эпистолярные источники о „Ревизоре“ не говорят. — Такова точка зрения большинства новейших исследователей вопроса — Н. И. Коробки, С. С. Данилова, Н. И. Мордовченко и других. Тем убедительнее общепринятое теперь (после Коробки) приурочение к „Ревизору“ письма Гоголя с упоминанием комедии — от 7 октября 1835 г. Пушкину: „Сделайте милость, — пишет в нем Гоголь, — дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука

дрожит написать тем временем комедию... “И далее: „Сделайте же милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов и клянусь — будет смешнее чорта!“ В приведенных словах с „Ревизором“ как нельзя лучше согласуется не только доказанное уже молчание о нем в более ранних письмах или такая, например, подробность, как пятиактный объем обещанной теперь Гоголем комедии — объем, превышающий размеры всех других его комедий и соответствующий как раз только „Ревизору“, — но, кроме того, что особенно важно, и обращение с просьбой о сюжете для комедии к Пушкину: из всех комедийных сюжетов Гоголя как раз только сюжет „Ревизора“ был, действительно, дан ему или уступлен Пушкиным, как это известно из мемуарных источников. Сам собой, казалось бы, напрашивающийся отсюда вывод будет тот, что к работе над „Ревизором“ Гоголь мог приступить лишь после того, как Пушкин удовлетворил его просьбу, т. е. не раньше того или иного ответа Пушкина на письмо Гоголя от 7 октября. А так как, с другой стороны, письмо Гоголя к Погодину от 6 декабря того же 1835 г. позволяет с

точностью датировать переписку уже законченного текста „Ревизора“ набело (о чем см. ниже), то и разрешаются, казалось бы, окончательно все хронологические сомнения относительно зарождения „Ревизора“: двухмесячный промежуток между двумя письмами (к Пушкину и к Погодину), т. е. вторая половина октября, ноябрь и первые числа декабря 1835 г., и есть тот период, когда Гоголь приступил к „Ревизору“ и вписал в Самаринскую тетрадь его первоначальный черновик. Некоторые затруднения ожидают исследователя лишь при обращении к мемуарным источникам.

О заимствовании сюжета для „Ревизора“ у Пушкина, кроме самого Гоголя (в так называемой „Авторской исповеди“), говорят в своих мемуарах П. В. Анненков, В. Соллогуб, П. И. Бартенев и О. М. Бодянский; записанный Ефремовым рассказ Л. Н. Павлицева (о заимствовании сюжета „Мертвых душ“) тоже, скорей всего, относится не к „Мертвым душам“, а к „Ревизору“. Из сопоставления всех этих данных выясняется, что от Пушкина Гоголь мог слышать несколько версий „бродячего“ анек-

дота о мнимом ревизоре в провинции: один из пушкинских рассказов (по свидетельству Соллогуба, Бартенева и Анненкова) передавал „случай“ с самим Пушкиным в Нижнем-Новгороде и Оренбурге, когда во время поездки за материалами для „Истории Пугачева“, в августе 1833 г., будучи проездом у нижегородского губернатора Бутурлина, Пушкин был им принят за тайного ревизора, о чем тотчас и было написано в Оренбург губернатору Перовскому, у которого, в свою очередь, остановился по приезде туда Пушкин, имевший таким образом возможность вполне разделить веселость хозяина при получении письма. Другой рассказ Пушкина (как свидетельствует Соллогуб) касался аналогичного случая в Устюжне и сообщал „о каком-то проезжем господине, выдававшем себя за чиновника министерства и обворовавшем всех городских жителей“. Наконец, третий пушкинский рассказ, давший, по припоминаниям самого Гоголя (в 1851 г.), как записал Бодянский, «первую идею к „Ревизору“», касался Павла Петровича Свинына, который в Бессарабии выдавал себя за „какого-то петербургского важного чиновни-

ка“ и зашел так далеко, что „стал было брать прошения от колодников“.

И письмо с дружеским предупреждением о мнимом ревизоре-инкогнито, и взятки от „городских жителей“, и подача мнимому ревизору „прошений“ — всё это отыскивается, в самом деле, кроме анекдотов, и в „Ревизоре“. А с другой стороны, не только принадлежность перечисленных рассказов Пушкину, но и причастность их к его собственным творческим замыслам засвидетельствована документально — пушкинской записью плана какой-то неосуществленной вещи: „[Свиньин] Криспин приезжает в Губернию NB на ярмонку — его принимают за <нрзб.>...Губерн.<атор> честной дурак — Губ.<ернаторша> с ним кокетнич.<ает> — Криспин сватается за дочь“.

[7] П. О. Морозов и Н. О. Лернер убедительно доказали бесспорную зависимость этого плана Пушкина от тех самых его устных рассказов, которые одновременно легли в основу гоголевского „Ревизора“. Так, действующее лицо одного из пушкинских анекдотов, Свиньин, прямо назвав и в плане; место действия другого — Нижний-Новгород с его Макарьев-

ской ярмаркой, которую в 1833 г. застал в Нижнем Пушкин („Еду на ярмарку“, — писал он жене), — избрано и в плане местом действия задуманной вещи; едва ли не главное действующее лицо того же нижегородского анекдота подразумевает Пушкин и в следующем разделе плана: „Губерн<атор> честной дурак“. Есть, наконец, в этом плане и самое главное: административное qui pro quo как завязка („его принимают за <?>“).

Итак, рассказы Пушкина на тему о мнимом ревизоре предназначались им сперва вовсе не для комедии Гоголя, а для какого-то своего собственного замысла — комедийного или новеллистического, неизвестно, — но несомненно возникшего как отголосок смешного нижегородского приключения с ним самим в августе 1833 г.: и Свиньин (проказы которого относятся к 20-м годам) и Криспин[8] пришли Пушкину на память, конечно, лишь попутно, под живым впечатлением собственного приключения в Нижнем. Другими словами, зарождение пушкинского замысла, как и припоминание подходящих к нему анекдотов о других лицах, никак нельзя слишком дале-

ко отодвигать от исходной для него даты: август — сентябрь 1833 г. В одном и том же — скорее всего, 1833 году — замысел и возник и положен был на бумагу. Мог, следовательно, и Гоголю пушкинский замысел или, по крайней мере, легший в его основу анекдотический материал стать известным раньше того, как он обратился к Пушкину с просьбой об анекдоте для комедии, 7 октября 1835 г. За это говорит как будто и рассказ ближайшего друга Гоголя, А. С. Данилевского, об их совместном возвращении в Петербург, после проведенного на родине лета, осенью 1835 г. Заехав к Максимовичу в Киев и найдя там себе третьего попутчика, тоже бывшего нежинского лицеиста, И. Г. Пащенко, Гоголь и его оба спутника, отправившись дальше, разыграли „оригинальную репетицию“ „Ревизора“. Так по крайней мере передает рассказ Данилевского В. И. Шенрок.[9]

Итак, при нынешнем состоянии источников вопрос об исходной дате в истории замысла „Ревизора“ вполне точному решению не поддается. Как бы то ни было, след собственно пушкинского рассказа сохранился даже в

рукописи „Ревизора“.

Еще Тихонравов, устанавливая связь между „Ревизором“ и приключением Пушкина на пути в Оренбург и обратно через Саратов и Пензу в Болдино, обратил внимание на то, что Иван Александрович Хлестаков едет тем же путем: через Пензу, где его обыгрывает пехотный капитан, в Саратовскую губернию. [10] Но Коробка, возражая, заметил: „Это сходство явилось поздно“.[11] Действительно, в первоначальном черновике маршрут Хлестакова не пушкинский 1833 г., а скорей гоголевский 1835-го — через Тулу в Екатеринославскую губернию.[12] Но Коробка ошибся, думая, что сходство с маршрутом Пушкина „явилось поздно“: оно впервые установлено как раз в непосредственно примыкающих к черновику Дополнениях. „Екатеринославская губерния“ уже тут изменена на „Саратовскую“.[13]

Но Дополнения к первоначальному черновику образуют уже, как сказано, переход к дальнейшим редакциям. Первоначальный же черновик сам по себе отражает вполне самостоятельную, первую редакцию комедии, ра-

зительно отличающуюся от всех остальных. Внешнее ее отличие — неустойчивость или прямо даже отсутствие имен и фамилий у действующих лиц. Антоном Антоновичем называется, например, будущий Земляника, а Земляником — будущий Хлопов; городничий — без фамилии и назван раз полицмейстером; имя судьи без фамилии — Макар Николаевич, а фамилия без имени — Припекаев; Хлестаков варьируется как Хласков и Скакунов, а Иван Александрович — как Иван Григорьевич. Неустойчивость имен сопровождается почти такой же неустойчивостью, неопределенностью характеров: из чиновников, например, ни боящийся всего директор училищ, ни комически глубокомысленный судья еще даже и не намечены; чуть-чуть намечены только городничий и пока безымянный Земляника, а из других персонажей — Осип и двое городских сплетников. Но именно лишь намечены или как сплетники, или как комедийный слуга, или как плут-чиновник (Земляника), или как взяточник (городничий); т. е. вместо самых характеров даны условные маски характерных пороков в их примитив-

ном обособлении. Не свободен от шаблона и главный герой, основные свойства которого пока что вытекают непосредственно из интриги: к вранью обязывает внешняя ситуация. Таким образом, комизму будущих характеров предшествует пока что комизм вытекающих из завязки положений, иногда чересчур грубых, — Хлестаков, например, произнося свой монолог, кладет на стол ногу, — иногда излишних даже с точки зрения интриги (например, анекдот о поручике в куле с перепелками). Но зато самая интрига с замечательной дальновидностью дана во всех своих основных перипетиях почти уже так, как и в классическом „Ревизоре“.

Фабульный остов будущей комедии характеров только и дан собственно в этом предварительном к ней наброске.

Впервые изданный Н. Тихонравовым и В. Шенроком в шестом томе 10-го издания Сочинений Гоголя (стр. 65-143), текст первой редакции и Дополнений воспроизводится выше (стр. 141-238) полностью.

Завершение работы над следующей — второй — редакцией „Ревизора“ с точностью да-

тировано самим Гоголем в его письме к М. П. Погодину от 6 декабря 1835 г.: „Да здравствует комедия! — пишет он в нем. — Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предупредить кого следует по этой части... Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дня окончить эту пиесу“.[14] Отсюда видно, что за два дня до того, как написано было письмо, т. е. 4 декабря, после напряженной работы, был закончен новый авторский текст „пиесы“, а 6-го, одновременно с написанием письма, он отдан был в переписку. Авторский текст второй редакции до нас не дошел, но копия сохранилась (PM10). Это — 8 сшитых вместе тетрадей в лист, плотной желтоватой бумаги, из 176 пронумерованных страниц; некоторые из них, будучи в свое время вырваны и позже вложены обратно, пронумерованы в особом порядке красным карандашом. Основной почерк, которым заполнены все 8 тетрадей, — почерк копииста; почерком Гоголя, поверх основного текста и на полях, внесены лишь поправки, более ранние — чернилами.

ми, более поздние — карандашом (о чем ниже). Кроме того, целиком рукой Гоголя заполнена страница 127^a, содержащая явление 10-е действия четвертого и подклеенная к следующей перечеркнутой странице, где тот же текст, но в более ранней редакции, вписан был предварительно копиистом. Кроме этой вклейки, есть две вкладки. Одна на той же бумаге, тем же почерком копииста и теми же чернилами, что и вся рукопись, под № 9 (красным карандашом), содержит первые реплики Анны Андреевны и Марьи Антоновны в дополнительной сцене, впервые напечатанной во 2-м издании; позже выставленная над отрывком цифра „1“ указывает на обращение к отрывку как раз при подготовке указанного издания: сцена появилась там под № 1, как первая из двух. Другая вкладка, под № 1 (красным карандашом), между страницами рукописи 170-й и 171-й, на той же опять-таки бумаге и тем же почерком, что и рукопись, содержит письмо к Тряпичкину, более ранний текст которого частью перечеркнут на смежной странице, частью вырезан, о чем свидетельствует тут же уцелевший корешок листа

с концами строк. Как видим, законченный к 4 декабря автограф, тотчас же после снятия копии, подвергся в ней новым исправлениям: вставочные страницы, кроме самого Гоголя, заполняло и то лицо, которому поручена была переписка автографа.

Что касается самого автографа, о нем можно составить представление, если сравнить с соответствующими местами писарской копии, без дальнейшей правки самого Гоголя, четыре дополнительных отрывка из тетради *PM9*; оказывается, что редакция, переписанная набело около 6 декабря, почти буквально воспроизводит именно эти черновые наброски, лишь местами распространяя и улучшая текст — ср. выше стр. 227–229 и 252–254; 229–231 и 287–289; 231–232 и 290–291; 233–238 и 326–330. Но отрывки эти, как указано выше, вплотную примыкают, с другой стороны, к первой черновой редакции. Отсюда видно, как возникла вторая: в результате такой же, очевидно, переработки всей первой редакции, как и те уцелевшие 4 отрывка, которые послужили черновиком для второй редакции.

Главное, что отличает вторую редакцию от

первой, кроме общего упорядочения чернового (первоначального) текста, это Хлестаков тут и Хлестаков там: на смену водевильному Хлестакову-Скакунову первой редакции теперь впервые выступает, в основных хотя бы только чертах, Хлестаков-тип, Хлестаков, взятый из жизни характер; в этом смысле полной переработке подверглись его диалоги с Осипом, с трактирным слугой, с городничим и дамами; иными стали по сравнению с первой редакцией и монологи; в частности, самый ответственный, в третьем действии, подвергся значительному и даже, как оказалось, излишнему распространению: позже Гоголь его вновь сократил. Заново перестроены сцены с чиновниками и просителями в четвертом действии: одни исключены (с Погоняевым и Люлюковым), другие добавлены (с Гибнером), третьи расширены (к унтер-офицерше первой редакции присоединена слесарша), остальные, наконец, поменялись местами; в пятом действии заново написано письмо к Тряпичкину.

Едва переписанная в этом виде набело, пьеса тотчас же подверглась дальнейшим пе-

реработкам. Одна из первых послужила основой для рукописи РЛ6.[15]

Это — писарская копия в виде тетради из 90 листов, в переплете с шифром на нем: 14/2410, и с штампом на титульном листе: „Библиотека императорской русской драматической труппы“. Тут же следующая запись: „№ 39. Одобряется к представлению. С. П. б. 2 марта 1836 года. — Цензор Евстафий Ольдекоп.“ Подпись этого же цензора — на каждом из дальнейших листов, а также под дополнительным разрешением переделанного Гоголем 10-го явления IV действия: „Одобряется к представлению. С. П. б. 14 апреля 1836.“ Изготовленный, как видно, для представления в драматическую цензуру, список *РЛ6* является вместе с тем в основной своей части, копией с рукописи *РМ10* после первого ее исправления Гоголем. Вписанные там поверх строк гоголевские поправки чернилами, а также единственная из уцелевших вклеек (стр. 127^a), вместе с послужившим для них основой текстом писарской копии, целиком перенесены в *РЛ6*, образуя тут основной текст (писарским почерком).

Так как цензурный экземпляр „Ревизора“ из конторы имп. с. — петербургских театров в III отделение собственной е. в. канцелярии был препровожден 27 февраля 1836 г., [16] переписку этого экземпляра надо отнести к промежутку между указанным числом и 6-м декабря 1835 г., когда начал изготовляться список *РМ10*, послуживший для *РЛ6* подлинником. — Впрочем, на этот более чем двухмесячный промежуток, кроме снятия самой копии *РЛ6*, падает еще и авторская в ней правка. Подобно предыдущему списку, она налицо и тут и имеет следующие три разновидности: это, во-первых, правка самого Гоголя чернилами; во-вторых, правка Гоголя карандашом; в-третьих, гоголевская же карандашная правка, но стертая и поверх вписанная вновь чернилами, чужим почерком. Первый слой отличается от остальных тем, что частично иногда совпадает со второй (карандашной) правкой Гоголя в *РМ10*; два других слоя не имеют уже себе там никаких аналогий. Первый слой можно признать поэтому самым ранним, внесенным в рукопись тотчас после изготовления ее писцом, одновременно со сходными дополне-

ниями (карандашом) в подлиннике (*PM10*). Два других слоя поправок внесены в *РЛ6*, очевидно, после просмотра этой рукописи цензором и, в некоторых случаях, под его давлением.

Текстологический анализ обоих списков второй редакции принуждает, как видно сразу, отказаться для данного издания от принятой первыми издателями этих текстов раздельного их воспроизведения.

Рукопись *РЛ6*, под неточным названием: „Первоначальный сценический текст“, изда-на была Н. Тихонравовым в 1886 г., [17] — до того, как был издан текст *PM10* (известный тогда под названием „Рукопись наследников“); зависимость первого текста от второго оставалась невыясненной; бросалось, напротив, в глаза другое — близость гоголевских поправок в *РЛ6* к первопечатному и московскому театральному текстам. Отсюда — название и характер тихонравовского издания, с учетом на первом месте гоголевской правки в ущерб тексту, переписанному копиистом. Созданная изданием 1886 г. традиция оказалась настолько прочной, что даже появление

в печати в 1889 г. разъяснения Тихонравова о невольной допущенной им ошибке,[18] а в 1892 г. публикация самой „рукописи наследников“, [19] к пересмотру традиции не привели; напротив, укреплению традиции сильно способствовала неуместная (после разъяснения Тихонравова) перепечатка его вводной статьи из издания 1886 г. в 6-м томе изд. Сочинений Гоголя (стр. 587–619), вышедшем уже после смерти Тихонравова под ред. В. Шенрока. Обе рукописи и позже издавались и рассматривались как самостоятельные, не связанные прямо друг с другом списки двух якобы различных редакций; второй и „первоначальной сценической“.[20] Установив, напротив, полное, во-первых, тождество основного текста *РЛ6* с выправленным текстом *РМ10* и, во-вторых, гораздо меньшую разницу между собственно сценическим текстом и первопечатным, чем между этим последним и текстами второй редакции (о чем см. ниже), мы впервые оба текста второй редакции издаем вместе, кладя в основу самый их ранний слой — писарскую правку в *РМ10* и подводя к нему в качестве вариантов: 1) первую гого-

левскую правку в *PM10* вместе с примыкающим к ней писарским слоем из *PL6* (варианты с двумя шифрами сразу: (*PM10*, *PL6*)); вторую гоголевскую правку в *PM10*, частично совпадающую с первой правкой в *PL6* (та и другая — в одной сноске, но разделенные точкой с запятой); 3) всю остальную правку в *PL6* (по схеме *a*, *б*, *в*). В тех случаях, когда текст *PL6* восходит не к надстрочной правке в *PM10*, а к утраченному ее вкладному беловику, — правка из *PM10* приводится как слой *a*, отличный от нее текст *PL6* — как слой *б*. Особый слой вариантов дают черновые наброски отдельных сцен второй редакции (*PM16*). Наконец, цензурные варианты выделены из всех остальных знаком $\diamond$, заканчивающим вариант. При таком воспроизведении этих двух рукописей на первом месте оказывается старейший слой их общего текста, а не позднейшие слои, мало отличающиеся от текста первопечатного и не заслуживающие поэтому рядом с ним самостоятельного воспроизведения. Но будучи, с другой стороны, отнесены в подстрочные примечания к старейшему, эти промежуточные слои тоже приобретают ин-

терес, наглядно отражая дальнейшую его эволюцию, завершившуюся первым изданием. Наиболее крупные отрывки этих промежуточных слоев воспроизводятся не под строкой, а особо как переработки и наброски отдельных мест второй редакции — см. выше, стр. 356–368.

Этой дополнительной переработкой Гоголь был занят почти до самого появления комедии в печати и на сцене. „Я теперь занят постановкою комедии, — пишет он Погодину 21 февраля. — Не посылаю тебе экземпляра потому, что беспрестанно переправляю“.[21] Правка, кроме экземпляра театральной цензуры, содержалась, конечно, и в несохранившемся экземпляре цензуры общей. Некоторые отличия (весьма незначительные) той и другой сказались в первом издании и в тексте первых постановок на сцене (*ТМ1*), прямо восходящем к последнему слою авторской правки *РЛ6*. Впрочем, отличия эти не таковы, чтобы можно было говорить о двух редакциях; они лишь варьируют одну и ту же одновременно выработанную редакцию, названную в нашем издании первопечатной.

Ее отличия от второй, в конце концов, свелись к следующему.

Вся пьеса ради большей сценичности была систематически сокращена; отпали: рассказ Анны Андреевны о глазах и поручике Ставрокопытове (в 3-м явлении действия третьего); анекдот о куропатке; рассказ о том, как „сочиняет“ Пушкин, и ряд более мелких деталей из монолога Хлестакова (в 6-м явлении действия третьего); сцены с Хлоповым, Растаковским, Гибнером и унтер-офицершей в первых 9 явлениях четвертого действия; вторичное появление купцов в пятом действии. Далее, существенно изменились сцены ухаживания и сватовства в IV действии: первое место заняла теперь дочь, тогда как во второй редакции оно принадлежало матери. Несомненно, в связи с этим стоит ряд других более мелких психологических уточнений образа Хлестакова: большее чем во второй редакции сближение реплик с живой разговорной речью (например: „Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина“ вместо „Ну, давай сюда! Что там такое?“); повышение выразительности реплик в отношении характера Хлестакова

(впервые появляется, например, реплика: „Как же они едят, а я не ем“ или „Несут! несут! несут!“ с ремаркой: „Прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле“, вместо мало выразительного „Несут? Ну, хорошо“ во второй редакции); инициатива своевременного отъезда окончательно передается Осипу (в 7-м явлении четвертого действия), тогда как во второй редакции она принадлежит еще Хлестакову; попутно устраняются последние следы водевильного происхождения пьесы; например, упоминание о том, что городничий поведет Хлестакова в тюрьму „на веревочке“ (в 7-м явлении второго действия). Из перечисленных изменений за счет цензуры надо отнести устранение высеченной унтер-офицерской вдовы.

Первое издание вышло в свет в день первого представления пьесы в Александринском театре — 19 апреля 1836 г. «По окончании спектакля, — рассказывает в своих Воспоминаниях Анненков, — Гоголь явился к Н. Я. Прокоповичу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднести ему экземпляр „Ревизора“, только что вышедший из печати,

со словами: „Полюбуйтесь на сынка“. Гоголь швырнул экземпляр на пол, подошел к столу и, опираясь на него, проговорил задумчиво: „Господи боже! Ну, если бы один, два ругали, ну, и бог с ними, а то все, все...».[22] Рассказ Анненкова может служить эпилогом для первого периода авторской работы над „Ревизором“. Прием, оказанный „Ревизору“ критикой и публикой, о чем см. ниже, повлиял на Гоголя болезненно. Первая постановка в Москве — 25 мая 1836 г., на сцене Малого театра, с М. С. Щепкиным в роли городничего — внимания Гоголя не привлекла уже почти во все; а отъезд за границу и новые творческие перспективы вообще надолго оторвали его от „Ревизора“.

Только в самом конце 1838 года Гоголь заводит речь о втором издании „Ревизора“. „Я начал, — говорит он в письме к Погодину от 1 декабря, — переделывать и поправлять некоторые сцены, которые были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотел бы издать его теперь исправленного и совершенного“.[23] Однако осуществить это свое намерение Гоголь смог не так скоро. Прошло

почти два года, а намеченные исправления всё еще остаются невыполненными. «Я хотел было наскоро переписать куски из „Ревизора“, исключенные прежде и другие переделанные, — пишет он Погодину же 17 октября 1840 г., — и этого не мог сделать».[24] То же и в письме к Аксакову от 28 декабря 1840 г.: «Я хотел было обождать этим письмом и послать вместе с ним перемененные страницы в „Ревизоре“ и просить вас о непечатании его вторым изданием — и не успел... Но я надеюсь через неделю выслать вам переправки и приложения к „Ревизору“».[25] Случилось это, однако, не через неделю, а через два с лишним месяца, 5 марта 1841 г., как видно из письма от этого числа к Аксакову же: «Вот вам, наконец, эти приложения. Здесь письмо, писанное мною к Пушкину, по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пьеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня не отправленным, потому что он скоро приехал сам. Из этого письма я выключил то, что собственно могло

быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки „Ревизора“, если она когда-нибудь состоится... Это письмо, под таким названием, какое на нем выставлено, нужно отнести на конец пьесы, а за ним непосредственно следуют две прилагаемые выключенные из пьесы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится в начале книги первого издания, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное в его письме изменение четвертого акта, которое совершенно необходимо».[26] Все перечисленные тут дополнения к изданию 1836 г. были, следовательно, выработаны в первые два месяца 1841 г. в Риме, откуда и выслал их Гоголь в Москву около 5 марта, частью Аксакову, частью непосредственному редактору второго издания, Погодину. Они все сохранились — частью в черновиках, частью в беловиках.

Новая редакция первых явлений четвертого действия представлена, прежде всего, случайно уцелевшими клочками гоголевского черновика: это — набросок монолога Хлеста-

кова во 2-м явлении (*РЛ4*) и сходные наброски первого, третьего и шестого явления в виде подклейки на последнем листе авторского экземпляра первого издания комедии (*РГ*; о нем см. ниже). Первый беловик сохранился в виде копии (или, верней, рукописи, написанной под диктовку), почерком В. А. Панова, жившего одновременно с Гоголем в Риме и помогавшего ему там при переписке рукописей. Это — вклеенная в тот же авторский экземпляр 1 издания „Ревизора“, вместо вырезанных страниц 109–114, тетрадь из шести сшитых вместе листов, с вписанным на них чернилами, почерком Панова, текстом исправленной редакции первых пяти явлений четвертого действия (*РП*). Поверх основного текста, чернилами же, нанесена гоголевская правка (первая из трех в *РГ*), а на последней странице тетради — собственноручная гоголевская приписка о других, более мелких исправлениях в первопечатном тексте:

„За сим следует сцена Хлестакова с Артемием Филиповичем, как в печатном.

На странице 116 небольшой монолог Хлестакова должен быть сокращен именно та-

ким образом: Я признаюсь — это моя слабость. Но люблю хорошую кухню. Скажите пожалуйста, мне кажется как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом: не правда ли?

На странице 120, начиная с 11 строки, следует так: *Добчинский*. При мне-с не имеется, потому что деньги мои <и т. д. см. выше, стр. 470>.

На странице 123. Весь монолог Хлестакова должен быть заменен следующим.

Хлестаков (один)“.

Самый монолог отсутствует. Так как поправок Гоголя к тексту Панова оказалось не мало, с рукописи еще раз снята была копия, переписанная, в свою очередь, Погодиным, на синем листке почтовой бумаги и вновь, очевидно, пересланная для поправок Гоголю в Рим (*РЛ5*). В заключительной приписке появляется теперь и самый монолог. Еще с несколькими поправками Гоголя этот беловик и был, очевидно, выслан обратно Погодину, незадолго до 5 марта 1841 г., а затем послужил оригиналом для соответствующей публикации в „Москвитяине“ (*Мск4*), с подзаго-

ловком „Новые сцены к комедии Ревизор“ и с редакторским примечанием: «Автор прислал из Рима „Ревизора“ для нового издания, исправленного. Следующими сценами заменяется прежнее начало 4 действия». Сцены заканчивались уведомлением: „Второе издание будет готово к 1 мая... К этому изданию приложатся несколько новых сцен, оставленных при первом издании. Также письмо о первом представлении“.[27]

Две дополнительные сцены в черновиках до нас не дошли, если не считать клочка с писарским текстом в *РМ10* (см. выше). Но беловик, неизвестным почерком, с поправками Гоголя, на той же синей почтовой бумаге, что и беловик начальных явлений четвертого действия, сохранился в одном с ним альбоме, из собрания Дашкова (*РЛ5*). Так же как и тот, будучи, очевидно, послан около 5 марта Погодину, беловик этот опубликован им был в „Москвитяине“ не вполне: появилась лишь вторая из дополнительных сцен (с Растаковским), с обильными сокращениями (под давлением, вероятно, цензуры), под заглавием „Сцена“ (*Мск5*).[28]

Наконец, „Отрывок из письма“ сохранился и в гоголевском черновике (РЛ4) и в белой копии всё тем же почерком неизвестного, на той же синей бумаге, из собрания Дашкова (РЛ5).

Особого внимания заслуживает черновик Тихонравов, убедительно доказавший апокрифичность приведенного выше рассказа Гоголя (в письме к Аксакову) о поводах и времени возникновенья „Отрывка“, столь же убедительно отнес составление его к тем первым месяцам 1841 г. в Риме, когда вообще Гоголь был занят дополнениями к „Ревизору“ в новом издании.[29] Он не учел только одного: полной близости „черновых набросков“ „Отрывка“ к его окончательному тексту, — не учел потому, что при обзоре этих „набросков“ придерживался, как сам говорит, „того порядка, в котором они размещены в папке имп. Публичной библиотеки (лл. 44–46)“.[30] Но стоит установить порядок, в котором записывал эти тексты Гоголь, как окажется перед нами, вместо восьми не связанных друг с другом „набросков“, вполне связная черновая редакция „Отрывка из письма“ в целом. Поряд-

док гоголевской записи был таков. Из четырех занятых набросками страниц (л. 44, л. 45 об., л. 46, л. 46 об.) сперва заполнен был верх листа 44-го (у Тихонравова „набросок первый“), затем верх листа 46-го (набросок пятый и шестой), далее: верх и низ листа 45 об. (наброски второй, третий и четвертый), низ листа 46-го (набросок седьмой) и, наконец, лист 46 об. и низ листа 44-го (набросок восьмой).

Беловик *РЛ* был, видимо, непосредственно списан с этого черновика и послужил опять-таки оригиналом для публикации в „Москвитянин“ (*Мск6*).

Второе издание было разрешено цензурой 26 июля 1841 г. На обороте титульного листа значилось: „Печатано с издания 1836 года с исправлениями“. Кроме исправлений внутри текста и перечисленных дополнений, 2-е издание содержит также перепечатку того, что исправлениям подверглось („Начало IV действия по первому изданию, до сцены Хлестакова с Земленикою“. „Монолог Хлестакова на 123 с. первого издания“) и краткое указание: „Прочие мелкие исправления (с. 116, 120, 121) первого издания здесь не отмечаются“. Статья

„Характеры и костюмы“ в издании осталась, но переместилась только в самый конец.

Характер внесенных во 2-е издание исправлений изложен и мотивирован самим Гоголем в приложенном к изданию „Отрывке из письма“ (см. выше, стр. 103).

Ввиду особого положения в истории текста „Ревизора“ первых явлений четвертого действия в редакции, приданной им во 2-м издании, эти явления воспроизводятся выше особо, с подведением вариантов из обоих черновых фрагментов, из копии Панова с первой правкой Гоголя, из посланного Погодину беловика и, наконец, из первой публикации в „Москвитяине“.

Две дополнительные сцены, будучи позже без значительных изменений воспроизведены в первом издании „Сочинений“, учтены — в том виде, как отражает их беловая рукопись, „Москвитянин“ и 2-е издание — только в разделе „Варианты“.

На том же основании так же поступлено с рукописями, журнальным текстом и текстом P2 — „Отрывка из письма“.

Выпуск первого издания „Сочинений“ под

наблюдением Прокоповича задуман был Гоголем сейчас же после разрешения цензурой первого тома „Мертвых душ“, при заезде на несколько дней в Петербург, перед отъездом за границу в июне 1842 г. Подготовка издания — тем более в той части, которая подлежала только перепечатке — до отъезда за границу никак не могла быть Гоголем выполнена, так как всё внимание в предыдущие месяцы, да и раньше, поглощали „Мертвые души“. Новым пересмотром текста „Ревизора“ Гоголь мог заняться не раньше того, как почувствовал опять прилив творческих сил, в июне — июле 1842 г., в Франкфурте и Гастейне. На эти месяцы, очевидно, и падает работа над авторским экземпляром первого издания „Ревизора“, нарочно отпечатанного с увеличенными полями, которые и послужили Гоголю местом для нанесения поправок. Экземпляр этот, принадлежащий теперь Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, имеет на внутренней стороне переплета ex libris „Московского Публичного и Румянцевского Музеев“ с шифром: 2207, с надписью выше: „1879 г. из бумаг А. Иванова. Вход. 2207“.

Следующая затем вклейка дает краткое и не во всем точное описание дальнейших приписок начинающихся с 3-й страницы или с 8-го листа, согласно полистной нумерации чернилами, тем же почерком, что и вклейка. Гоголевские приписки явственно различаются по слоям.

Первым естественно надо признать тот слой правки чернилами поверх вклеенных листов рукописи Панова (лл. 61–66), который перешел в *P2* и, следовательно, более чем на год старше других слоев, появившихся лишь в издании 1842 г. Этот слой и по виду легко отличить от остальных, тем более, что, кроме вклеенной рукописи Панова, он в других местах не встречается. Как и сама рукопись, этот слой к рассматриваемому периоду истории текста „Ревизора“ прямого отношения не имеет, как более ранний (дан в подстрочных вариантах к особой редакции первых явлений 4-го действия, см. выше стр. 459 и сл.). Иного происхождения другая, более яркая, правка чернилами, поверх той же рукописи Панова, отражающая соответствующий текст издания 1842 г. Она проходит по всей рукописи-

си Панова, а кроме того встречается в разных других местах печатного уже текста *РГ*; это, в 6-м явлении третьего действия, слова: „как можно-с! ~ для комплимента“ и „привыкши жить ~ мрак невежества“; это — в четвертом действии 13-е и 14-е явления целиком; наконец, тем же почерком вписан последний из трех вариантов заключительной немой сцены (л. 104). Остальная правка нанесена карандашом и тоже распадается на три слоя. Господствующий слой вписан старательно и четко, явно для копииста, поверх стертых более ранних приписок или же рядом с ними; стерши черновую приписку, Гоголь тут же вписывал ее набело, иногда в измененном виде, как можно судить по тому, что от черновых приписок осталось. Эти последние, поскольку их удалось прочесть, составляют другой, более ранний слой, чем оба предыдущие.

И карандашный беловик и вторая чернильная правка почти полностью отразились в издании 1842 г. (*П*) и вместе с ним положены в основу нашего издания комедии. Стертая же карандашная правка, прочитанная теперь тщательнее, чем для предшествующих

изданий (Тихонравова и Коробки), дала несколько новых, близких к нему по времени вариантов (в отделе „Варианты“). Сложней обстоит дело с четвертым слоем гоголевских правок. Это — немногочисленные поправки карандашом, вписанные над печатным текстом или с ним рядом, однако же не затертые. Эти поправки не вошли не только во второе издание, но и в издание Прокоповича. Объяснение этому может быть двоякое: либо они внесены в текст Гоголем позже 1842 г., либо, появившись более или менее одновременно с остальными (что вероятней), они остались незамеченными переписчиком и в издание 1842 г. не попали. В том и другом случае авторитетность этих поправок одинаково бесспорна. Они вносятся нами в основной текст, частью в соответствии с предшествующими изданиями (Н. И. Коробки и др.). Таковы следующие чтения в нашем основном тексте: „На одну минуту только“ (вм. „А это у меня вдруг, я еду только“) в 16-м явлении четвертого действия“; „посади мужика за стол, он и под свято лезет“ (вм. „я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои“) в 7-м явлении пятого

действия; „заступите сиротке место отца“ (вм. „место отца заступите сиротке“) там же.

Выправленный Гоголем в июне — июле 1842 г. авторский экземпляр был отдан в переписку и послужил таким образом подлинником для той белой копии, с которой „Ревизор“ печатался Прокоповичем. Это легко усмотреть не только из письма Гоголя к Прокоповичу от 15 июля, где он жалуется, что „писец не разобрал примечаний об одной немой сцене и оставил чистое место“, — „немая сцена“ как раз вписана в авторский экземпляр весьма неразборчиво, — но также из прямого повторения в издании Прокоповича некоторых описок Гоголя в том же всё авторском экземпляре, повторенных очевидно и в беловике. Например, в 6-м явлении третьего действия явная описка Гоголя в приписке на полях: „Стараюсь, стараюсь проскользнуть“, читается на 92 странице 4 тома издания Прокоповича. Не везде выправив описки, Прокопович правил, однако, язык и даже стиль Гоголя: тот белой автограф заключительной „немой сцены“ и статьи „Характеры и костюмы“, который содержится в указан-

ном письме Гоголя из Гастейна от 15 июля (III), позволяет впервые в нашем издании восстановить три подлинных гоголевских чтения вместо введенных Прокоповичем („в один миг ока“, „сих замечаний“, „в виде стола“).

Правка в издании Прокоповича, сверх той, которая читается в авторском экземпляре, сохраняется поэтому только в тех случаях, когда принадлежность ее самому Гоголю (в недошедшем беловике) не внушает сомнений.

Цензурное разрешение четвертого тома „Сочинений“, где помещен „Ревизор“, дано было 30 сентября 1842 г. и подписано цензором Никитенко. Отличия этой редакции, за исключением немой сцены и восстановленной заново сцены с унтер-офицерской вдовой, касаются не сценария, а стиля речей.

Однако работа над „Ревизором“ не была закончена и теперь. Дальнейшим ее этапом была „Развязка Ревизора“, над которой Гоголь начал работать в 1846 г. «„Ревизор“ должен быть напечатан в своем полном виде, — писал Гоголь С. П. Шевыреву из Страсбурга 24

октября 1846 г., — с тем заключением, которое сам зритель не догадался вывести. Заглавие должно быть такое: „Ревизор с Развязкой. Комедия в пяти действиях с заключением. Соч. Н. Гоголя. Издание четвертое, пополненное, в пользу бедных“». [31]

Высланная тогда Шевыреву рукопись изда-на была только после смерти Гоголя, в пятом томе „Сочинений“, 1856 г. (*Тр*). Копия с нее была послана П. А. Плетневу для представления в цензуру (*РЦ*). Разрешение было дано 5 ноября 1846 г., но Гоголь не решился издать „Развязку“ ввиду той встречи, которая оказана была передовой критикой вышедшим тогда в свет „Выбранным местам из переписки с друзьями“. Отказ свой он изложил в письме к Плетневу от 8 декабря 1846 г. Тем не менее, в следующем году, в письме к Плетневу же от 10 июля 1847 г., он извещает его о переделке „Развязки“, „которая вышла теперь, кажется, ловче“. [32] Однако и теперь издание не состоялось.

Из подлинных рукописей уцелела только одна (другая, полная была выкрадена из Полтавского музея в 1935 г.). Изданная впервые в

шестом томе 10 изд. Сочинений Гоголя (стр. 259–264) под неточным заглавием „Дополнение к Развязке Ревизора“, рукопись эта (*PM15*) на самом деле представляет собой окончательную редакцию заключительной части пьесы. Первая же редакция, рукопись которой утрачена, воспроизводится с возможными поправками по цензурной копии (*PC*).[33]

Кроме того, сохранились две копии с автографа, который, вероятно, оставался в бумагах Гоголя (*KB* и *KP*). Согласованные различия этих копий даются в отделе „Вариантов“.

Кроме самой „Развязки“, в задуманное в связи с ней четвертое издание „Ревизора“ предполагалось включить написанное одновременно „Предуведомление“, сохранившееся в виде трех автографов, один из которых (краткий беловик *PL7*) был уже известен Тихонравову, который его и издал во 2-м томе 10 изд. Соч. Гоголя (стр. 338–340); другой, наиболее пространственный (*PM11*), издан впервые Г. П. Георгиевским; третий, наконец, посредствующий между двумя другими (*PM12*), привлекается к изданию впервые. В основу нашего издания кладется краткий беловик (*PL7*), из

двух других подводятся варианты.

Несомненно, тогда же, около 1846 г., а не раньше, написано и „Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует „Ревизора“: связь его с „Развязкой“ видна сама собой. Сохранившись в двух рукописях, одна из которых — черновик (PM13), а другая — беловик вступительного отрывка (PM14), „Предупреждение“ издается нами по обеим рукописям с заменой в начале чернового текста беловиком. Впервые оба текста изданы в 1886 г. Тихонравовым.[34] Отказавшись от задуманных было новых приложений к „Ревизору“, Гоголь не отказался, однако, даже за год до смерти, еще раз просмотреть самый текст комедии. Корректуры четвертого тома второго издания своих „Сочинений“ в 1851 г. Гоголь сам прочитал до одной из последних реплик 4-го действия („Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!“). И среди немногих отличий первых четырех действий в этом издании от издания 1842 г. есть одно, — несомненно большой творческой силы: заключительная реплика к вранью Хлестакова в 6-м явлении третьего действия: „(с декла-

мацией) Лабардан! Лабардан!“ вместо гораздо менее выразительного: „Отличный лабардан! отличный лабардан!“ в издании 1842 г. Этой поправкой 1851 года заканчивается более чем шестнадцатилетняя работа Гоголя над текстом своей комедии.

III.

Замысел „Ревизора“ был третьим по времени комедийным замыслом Гоголя. В отличие от „Женитьбы“ („Женихов“) это должна была быть комедия общественно-обличительная и тем родственная „Владимиру 3-й степени“, но в отличие от „Владимира 3-й степени“, при создании которого „перо так и толкалось в такие места, которые цензура ни за что не пропустит“ (см. письмо от 20 февраля 1833 г. к М. П. Погодину), — новая комедия должна была быть основана на другом, менее вызывающем материале: вместо интриг и темных дел крупной столичной бюрократии, здесь должны были раскрыться будни отдаленного провинциального городка с такими бытовыми явлениями, как взяточничество и самоуправство уездных властей.

Замысел комедии из современной жизни,

с общественно-обличительным содержанием, в сознании Гоголя связывался с переоценкой собственного творческого пути, с потребностью перейти от противоречивого сочетания лиризма и комизма к новому качеству — серьезному комизму. Всё написанное по методу сочетания лиризма и комизма воспринималось Гоголем как результат некоторого психологического процесса — смены „тоски“ и „веселости“, между тем как новый поворот сам он связывал с задачами общественными.

Так, по крайней мере, излагал он историю своего писательского пути впоследствии (в „Авторской исповеди“). „Ревизором“, по его словам, открывался новый этап этого пути (связанный с влиянием Пушкина): переход от невинного „смеха для смеха“ к комизму серьезному и содержательному. «Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная, зачем. Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего. В „Ревизоре“ я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех ме-

стах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем». „Авторская исповедь“ написана в 1847 г., когда Гоголь не только отошел на далекое расстояние от своих ранних произведений, но и расценивал их иначе с точки зрения своей новой системы взглядов. Отсюда — излишняя схематизация действительной эволюции своего творчества. „Ревизор“ был, конечно, подготовлен „Владимиром 3-й степени“ и „Записками сумасшедшего“; творчество Гоголя и до „Ревизора“ нельзя выводить, как сделано это в „Исповеди“, из одной потребности развлекать себя невинными, беззаботными сценами; с другой стороны, и „Ревизор“ — в его ранних редакциях — еще не свободен от „невинных и беззаботных“ сцен.

В варианте „Авторской исповеди“ — „Искусство есть примирение с жизнью“ — Гоголь изложил дело несколько иначе: о Пушкине здесь не упоминается, а поворот, приуроченный и здесь к „Ревизору“, объяснен впечатлением от отзывов на предшествующие „Ревизору“ вещи: «... мой смех вначале был добро-

душен; я совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. „Если сила смеха так велика, что ее боятся, стало быть, ее не следует тратить попустому“. Я решился собрать всё дурное, какое только я знал, и за одним разом над всем посмеяться — вот происхождение „Ревизора“». Конечно, и это показание не до конца точно. К словам Гоголя: „мой смех вначале был добродушен“ коррективом может быть определение Белинского: „юмор спокойный в самом своем негодовании, добродушный в самом своем лукавстве“ („О русской повести...“). Во всяком случае, общая характеристика „Ревизора“ и значение его определены в показаниях Гоголя верно: и по замыслу и по выполнению „Ревизор“ — социальная комедия, исходящая из обличительных заданий („уж лучше смеяться сильно“); комедия, рассчитанная на широкий общественный отклик („осмеянье всеобщее“).

Обоснование общественной комедии, вместе с теорией смеха и с конкретной оценкой

как классических образцов драматургии, так и драматургии современной, Гоголь дал в статье, написанной одновременно с „Ревизором“ — „Петербургские записки“ 1836 г. (в первоначальной редакции „Петербургская сцена в 1835/6 г.; (см. т. VIII настоящего издания).

Показания Гоголя свидетельствуют о том, что основным материалом комедии должен был стать материал самой действительности русской жизни вообще, русской провинции в частности. Никакие биографические справки о том, что «автор „Ревизора“ провел в русском уездном городе 10 часов», а также утверждения вроде венгеровского: „Гоголь совсем не знал русской действительности“ („Писатель гражданин“, стр. 122 и сл.) — не могут подорвать значения гоголевских показаний, подтверждаемых всем содержанием комедии и многими дополнительными свидетельствами. Многие специфическое для русской провинции Гоголь создавал посредством отраженных наблюдений и путем „соображения“ (выражение самого Гоголя). Не может быть поэтому принят и другой тезис Венгерова:

„Ревизор навеян исключительно малороссийскими впечатлениями“ (там же, стр. 131 и сл.). Об исключительной жизненности реального материала „Ревизора“ в один голос говорили современные зрители и читатели (кроме реакционных кругов), а также позднейшие показания. Жизненно убедительными признавались при этом как общая атмосфера уездного города, изображенная Гоголем, так и „анекдот“ о мнимом ревизоре, взятый в основу сюжета. Показателен в этом отношении эпизод, происшедший еще при жизни Гоголя в Ростове в 1848 г. во время представления „Ревизора“ (см. сообщение Ф. Витберга „Городничий, узнавший себя в гоголевском Сквознике-Дмухановском“, „Литературный Вестник“, 1902, № 1), [35] а также — корреспонденцию из Перми 1851 г.: „Где же как не в наших маленьких городках можно видеть в действительности этот испуг, эту переполоху местных чиновников при появлении неожиданной грозы... Наконец, где же как не у нас являются Хлестаковы?“

Что анекдот о мнимом ревизоре был заурядным бытовым явлением гоголевского

времени — сразу же засвидетельствовали современники. Так, Вяземский писал в своей статье о „Ревизоре“: «В одной из наших губерний, и не отдаленной, был действительно случай, подобный описанному в „Ревизоре“. По сходству фамилии приняли одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Всё городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку являться. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но вероятно нашлись бы займодавцы...» („Современник“, 1836, т. II). В свете подобных данных и те факты, к которым возводят замысел „Ревизора“ (см. выше), приобретают значение не только для объяснения генезиса комедии, но и для характеристики широкой распространенности „анекдота“ о мнимом ревизоре в условиях николаевского полицейско-бюрократического режима.

Русский комедийный репертуар накануне появления „Ревизора“ переживал период глубокого упадка. Единственным подлинно гениальным достижением русской комедии за всю первую треть XIX в. было „Горе от ума“,

которое для сцены было доступно только в изуродованной цензурой редакции; к тому же комедией оно может быть названо лишь условно. За 1835 г. на петербургской сцене не было поставлено ни одной новой оригинальной комедии; сцена наводнялась водевилями, почти исключительно переводными („оригинальные“ водевили были по большей части переделками). Из комедий, державшихся в репертуаре, наиболее значительными (кроме „Горя от ума“) были „Недоросль“ Фонвизина, „Ябеда“ Капниста и ряд комедий Шаховского и Загоскина. Комедии Шаховского и Загоскина утверждали консервативно-помещичью мораль; они были основаны на идеализации крепких помещичьих хозяйств и добрых патриархальных нравов, на осуждении расточителей, мотов и иноземной „заразы“, — особенно таких ее плодов, как опасное экспериментированье и прожектерство („Полубарские затеи“ и „Пустодомы“ Шаховского, „Богатоновы“ — „в столице“ и „в деревне“ — Загоскина). Добродетельные лица — они же образцовые хозяева, — помещики Мирославские („Богатоновы“) и генералы Радимовы („Пустодомы“)

вводились в пьесы для нравственного исправления героев, которое достигалось посредством возвращения от столичных и светских соблазнов „к земле“, к исполнению помещичьего долга.

Однако весь круг социально-моральных проблем комедий Шаховского и Загоскина на этом этапе эволюции Гоголя, как видно, не волнует его нисколько. Равнодушие к Шаховскому и Загоскину было в сознании Гоголя настолько прочным, что даже в позднейшей статье о поэзии, с ее тенденцией к объективизму в оценках, он ограничился беглым упоминанием об них в ряду других авторов комедий и тут же резкой чертой отделил их всех от Фонвизина и Грибоедова. В статье о „Петербургской сцене“ и в „Петербургских записках“ он об этих главарях русского комедийного репертуара 10-30-х годов не вспоминает вообще; в воспоминаниях Аксакова самый гоголевский замысел обновления комедии связывается с отталкиванием от Загоскина („Гоголь хвалил его за веселость, но сказал, что он не то пишет, что следует, особенно для театра...“ „Из последующих слов я заметил, что русская

комедия его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взгляд на нее“).

Центральное место в гоголевском осмыслении современности приобретала в эти годы не тема „русского помещика“ — хозяина-землевладельца, а тема „русского чиновника“ — исполнителя или нарушителя общественного долга. Тема эта должна была проходить через весь замысел „Владимира 3-й степени“; она же намечалась и в отдельных мотивах петербургских повестей („Записки сумасшедшего“, „Нос“). Отожествляя понятия государственной службы и общественного долга, Гоголь превращал вопрос о правительственном аппарате (местном, а значит и центральном) в большую общественную проблему. В результате этого замысла „Ревизор“ оказался генетически связан, прежде всего, с традицией обличительной комедии, основанной на теме должностных злоупотреблений. Традиция эта шла от комедий конца XVIII в. „Судейские именины“ Соколова (1781), „Ябеда“ Капниста (1798), „Неслыханное диво, или честный секретарь“ Судовщикова (1803). Сюда же относятся и ближайшие по времени к Гоголю „Дво-

рянские выборы“ Квитки-Основьяненко (1829), „Шельменко — волостной писарь“ его же (1831). К этим комедиям примыкают и не предназначавшиеся для театра сцены Н. Полевого „Ревизоры, или славны бубны за горами“ (1832).

Основное отличие этих комедий от „Ревизора“ в том, что ни одна из них, несмотря на обличительный материал, не может быть названа комедией общественной в том смысле, какой вложил в это определение Гоголь. В каждой из них (кроме сцен Полевого, написанных как сатирический очерк, а не комедия), отрицательной группе действующих лиц противостоит группа положительная. На этом контрасте строится сюжет комедии; с ним непосредственно связана вся ее идеология. Отрицательная группа — группа заведомых преступников, исключение из нормы. Преступления их подчеркнуто резки. Так, например, основной отрицательный герой „Ябеды“ — судья Праволов — оказывается виновным в „разбоях, грабежах, и даже душегубствах“. В сценах Полевого судья Цапкин напоминает чиновнику Платону Фомичу, как он

поджег архив присутственных мест, а повыт-чику Панфилычу, как он принес „лекарство“ притонодержателю Душегубову.

Изображая злодеев, заведомых преступников, предшественники Гоголя неизбежно ослабляли обличительный смысл своих комедий. Основой их оказывались не типические явления, а явные исключения; „частности“ оставались частностями и не склоняли к обобщениям. Иное — у Гоголя. Герои Гоголя — не театральные „злодеи“, значит — не „исключения“. Они лишены резко выраженных индивидуальных пороков; вообще личная воля каждого играет лишь малую роль в их поведении. Сами они и их поступки — явления типические. Тем самым обличение переключается с „частного“ на „общее“, с отдельных личностей на общественные „порядки“, „нравы“, общераспространенную в данной среде „житейскую мудрость“ и в особенности на самую ситуацию переполоха, в которой эти „нравы“ раскрываются. Эта особенность гоголевского типажа была замечена еще Белинским в статье о „Горе от ума“. Характеристику городничего Белинский завершил таким

обобщением: «Но заметьте, что в нем это не разврат, а его нравственное развитие, его высшее понятие о своих объективных обязанностях... он оправдывает себя простым правилом всех пошлых людей: „не я первый, не я последний, все так делают“». Почти то же — в несколько других выражениях — повторил позже о своем методе характеристики и Гоголь; сказано это было по поводу „Мертвых душ“, но сказанное относится в неменьшей мере и к „Ревизору“, „Герои мои вовсе не злодеи; прибавь я только одну добрую черту каждому из них — читатель помирился бы с ними всеми. Но пошлость всего вместе испугала читателя“.

Исходя из этих заданий, Гоголь должен был решительно преодолевать шаблоны комедийных характеров.

В комедиях Капниста, Квитки и других отрицательная группа преступных чиновников и судей оттенена положительными образами честных и, что особенно важно, благонамеренных героев. Положительная группа сообщала пьесе успокоительно-благонамеренный характер, если даже „положительные“ не

принадлежали прямо к группе чиновников. У современников Гоголя „положительные“ герои фактически становились носителями безоговорочного благоговения перед правительством, а реплики их переходили в неприкрытую агитацию в пользу правительства. Так, в наиболее обличительной из комедий Квитки — „Дворянские выборы“ — на возмущенные слова Твердова против дворян, „которые, поправ закон, теснят слабых“, Благосудов отвечает: „Источник сему злу есть закоренелое нежелание доставлять детям воспитание. Но благодаря мудрым мерам благодетельного правительства зло сие начинает искореняться. Сколько мы видим молодых дворян в училищах. Военная служба, к счастью так любимая нашим дворянством, много образует молодых людей“ и т. д.

С положительной группой связана была обычно и любовная интрига пьесы. Сюжет комедии строился на борьбе положительной группы с отрицательной; в развязке не только устранялись препятствия для счастья влюбленных, но торжествовало и правительство, карая нарушителей закона. Комедия

строилась, таким образом, как комедия чувствительная (в основе), с обязательной благополучной и благонамеренной развязкой. Смысл обличения неизбежно мельчал; злоупотребления властей делались разнообразностью личных пороков, в сущности не опасных, так как совместное противодействие „добродетельных“ и правительства обеспечивало их разоблачение.

Задумывая комедию „смешнее чорта“ и решаясь в ней „смеяться сильно“, Гоголь не мог ориентироваться на разновидности чувствительной комедии. Впоследствии, в „Театральном разезде“, он решительно выступил против обязательной любовной интриги, против „узкого ущелья частной завязки“ вообще — в защиту комедии общественной.

В его замысел входило разоблачение не исключительных преступников с их личными пороками, а „всего дурного, собранного в одну кучу“, то есть явлений общественно типических. Потому-то драматургическая система „Ревизора“ в целом была глубоко своеобразна и прямых прецедентов в прошлом не имела.

27 февраля 1836 г. „Ревизор“ был отправ-

лен в III отделение для разрешения к представлению; 2 марта того же года Дуббельт по докладу цензора Ольдекопа наложил резолюцию: „Позволить“. В пересказе Ольдекопа „Ревизор“ превратился в историю забавных похождения Хлестакова, из чего следовал и вывод: „Пьеса не заключает в себе ничего предосудительного“ (Текст доклада в переводе с французского языка на русский см. в книге: Н. В. Дризен. Драматическая цензура двух эпох, стр. 41–42). Цензурные купюры в тексте комедии были незначительны (упоминание о церкви и святых, слова об унтер-офицерше и об ордене Владимира). 13 марта 1836 г. „Ревизор“ был разрешен и к печати (цензором А. В. Никитенко).

Эта последовательность фактов не согласуется с известием, которое исходит как от Гоголя, так и от его современников, что „Ревизор“ был разрешен только после вмешательства Николая I (письма Гоголя Щепкину от 29 октября 1836 г., матери от 5 июня 1836 г., Жуковскому от 6(18) апреля 1837 г.). Сопоставляя это показание с известием, идущим от П. А. Вяземского, что Николай I „читал пьесу в руко-

писи“ (Остафьевский архив, III, стр. 317), а также с сообщением А. И. Вольфа (без указания источника), что „Ревизор“ был прочитан во дворце М. Ю. Вьельгорским и после этого разрешен („Хроника петербургских театров“, СПб., 1877, ч. I, стр. 49), — следует считать, что разрешение „Ревизора“ было предрешено еще до представления его в цензуру. В хлопотах о комедии решающую роль сыграло, очевидно, вмешательство Жуковского и Вьельгорского. Известия о запрещении комедии до чтения ее во дворце (Шенрок. Материалы III, стр. 32) следует признать недостоверными.

Первое представление „Ревизора“ в Александринском театре в Петербурге состоялось 19 апреля 1836 г., о чем сохранилось несколько свидетельств; из них самое обстоятельное — П. В. Анненкова. Анненков, следя, конечно, только за настроением публики лож и партера, очень тонко подметил возраставшее сначала недоумение, затем напряженное внимание и временами — робкий смех, но в результате — общее негодование и общий приговор: „это невозможность, клевета и фарс“.

Бывший инспектор репертуара русской драматической труппы А. И. Храповицкий записал о премьере „Ревизора“ в дневнике: „Государь император с наследником изволили присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купцов“ („Русская Старина“, 1879, № 2, стр. 348). Ср. сообщения в „Автобиографии“ А. О. Смирновой, в „Хронике петербургских театров“ А. Вольфа, в дневнике А. В. Никитенко (о третьем представлении). См. также: В. Вересаев. Гоголь в жизни. М. — Л., 1933, стр. 159–161.

Как видно из этих показаний, полного единства в отношении к „Ревизору“ не было даже среди „избранной“ части высшего столичного дворянства, высшей бюрократии и придворных кругов. Одни, успокоившись на приговоре „фарс“, были к „Ревизору“ снисходительны, другие — негодовали, называя пьесу клеветой на Россию. Резче всего высказывался в этом последнем смысле Ф. Ф. Вигель, бывший арзамасец, автор известных „Записок“. В письме к М. Н. Загоскину (от 31 мая

1836 г.) Вигель, судя о „Ревизоре“ еще по наслышке, дает полную волю своей злобе; „Читали ли вы сию комедию? видели ли вы ее? Я ни то, ни другое, но столько о ней слышал, что могу сказать, что издали она мне воняла. Автор выдумал какую-то Россию и в ней какой-то городок, в который свалил он все мерзости, которые изредка на поверхности настоящей России находишь: сколько накопил плутней, подлостей, невежества!“ Вигель называет комедию „клеветой в пяти действиях“, а об авторе комедии говорит: „это юная Россия во всей ее наглости и цинизме“.[36]

Отношение к „Ревизору“ „юной“ (т. е. прогрессивной) России было, конечно, прямо противоположным. В. В. Стасов в своих воспоминаниях говорит, что „вся вообще тогдашняя молодежь“ была в восторге от „Ревизора“. „Дома или в гостях нам приходилось нередко вступать в горячие прения с разными пожилыми (а иной раз, ко стыду, даже и не пожилыми) людьми, негодовавшими на нового идола молодежи“.[37]

Та же борьба велась вокруг „Ревизора“ и в печати. Реакционная критика отнеслась к

„Ревизору“ как комедии неправдоподобной, грязной, в лучшем случае забавной. В этом смысле в один голос нападали на Гоголя и Булгарин и Сенковский. Булгарин писал: «На злоупотреблениях административных нельзя основать настоящей комедии. Надобны противоположности и завязка, нужны *правдоподобие, натура, а ничего этого нет в „Ревизоре“*» („Северная Пчела“, 1836, № 98, курсив подлинника). Сенковский вторил ему буквально, хотя и с несколько иной эстетической аргументацией: „из злоупотреблений никак нельзя писать комедии, потому что это не нравы народа, не характеристика общества, но преступления нескольких лиц, и они должны возбуждать не смех, а скорее негодование честных граждан“ („Библиотека для Чтения“, 1836, т. XVI, отд. V, стр. 43). Аргументация эта основана была на откровенно реакционной предпосылке: „нравы народа“ исключают злоупотребления — и на произвольной эстетической предпосылке: негодование несовместимо со смехом. Сенковский не шел дальше канонизации тех самых комедийных норм, которые Гоголь преодолевал в своей борьбе с

„легким смехом“ и „невинными сюжетами“. Поэтому-то в его изложении оказывалось, что в комедии нет ни идеи (т. е. обнаженной тенденции), ни характеров (т. е. носителей определенных „пороков“, „добродетелей“ или „слабостей“), наконец, ни завязки, ни развязки (опять-таки в традиционном смысле слова).

Если часть реакционной критики в лице Булгарина и Сенковского открыто боролась с сатирическим смыслом „Ревизора“, то другая часть ее действовала иначе, пытаясь свести всё содержание „Ревизора“ к чистому комизму, — в упрек или в похвалу автору — от этого дело существенно не менялось.

Подобную оценку находим у критика „Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду“ Петра Серебряного; его изложение комедии очень близко к изложению цензора Ольдекопа: «Содержание новой пьесы очень просто. Молодого петербургского чиновника приняли в уездном городке (между Пензою и Саратовом) за ревизора. Он почванился перед провинциалами, собрал с них легонький оброчек, поволочившись за женою и дочерью

городничего, помолвил на последней — и уехал. Обман открылся; городничий и другие-прочие поднимают к небу руки, а занавес опускается!» В этом изложении нет ни намёка на обличительный материал комедии. Гоголь оказывается наивным весельчаком. — «Человек с слабыми нервами может бояться спазмов, — пишет тот же критик в другом месте рецензии, — огорченный, задумчивый, должен бежать в театр, когда представляют „Ревизора“. Эта комедия исцелит многие печали, разгонит многие хандры» („Литературные прибавления к Русскому Инвалиду“ от 22 июля 1836 г., № 36).

„Не комедией, а карикатурой в разговорах“ считал „Ревизора“ и Греч. (Н. Греч. Чтения о русском языке, ч. II, П., 1840. Чтение десятое). Он во многом повторил нападки Булгарина и Сенковского на комедию Гоголя: „действие ее не ново и притом несбыточно и невероятно; в ней с начала до конца нет ни одного благородного, возвышенного движения, не только мысли“ и т. п. Но Греч отступил от своих союзников, признавая „живость, резкость и натуральность“ выведенных лиц; недостатки

комедии он склонен извинять тем, что в ней „столько ума, веселости, смешного, удачно схваченного“.

Позиция П. А. Вяземского в оценке „Ревизора“ установилась не сразу. Первый отклик его (еще до представления) в письме 19 января 1836 г. к А. И. Тургеневу (Остафьевский Архив, III, стр. 285) не отличался по существу от отзывов Ольдекопа и Серебренного. Однако через несколько месяцев Вяземский отнесся к „Ревизору“ с полной серьезностью: в письме к тому же А. И. Тургеневу от 8 мая 1836 г. (Остафьевский Архив, т. III, стр. 317–318) и в статье, напечатанной во втором томе „Современника“, Вяземский защищает Гоголя от нападений не столько печатных, сколько устных, и распределяет свою защиту по трем рубрикам: замечания литературные, нравственные и общественные. Обвинения литературные (в карикатурности, неправдоподобии, „простонародном“ языке), а также обвинения в „безнравственности“ Вяземскому удалось отвести, отстояв тем самым права художника на свободный выбор темы и материала. Менее принципиальной была защита против обви-

нений общественных: правильное само по себе замечание, что герои Гоголя „более смешны, чем гнусны, в них более невежественности, необразованности, нежели порочности“, в общем контексте статьи имело смысл извинения Гоголя перед его врагами, а самое общественное содержание „Ревизора“ Вяземским раскрыто не было.

Очень близко к заданиям Гоголя подошел В. П. Андросов в „Московском Наблюдателе“ 1836 г. (май, первая книжка). Андросов пересматривает понятие „высокой комедии“, применяя его к комедии обличительной и притом общественной („комедия цивилизации, где человек семейный уступает место человеку общественному“). „Дурное свойство человека, поддерживаемое общественным его положением, — пишет Андросов, — должно быть преследуемо нещадно“. В „Ревизоре“, осуществившем это требование, критик видит „истину идеи“, выражение „сущности тех людей, из которых составляется разнородная масса наших провинциальных нравов“. Таким образом, Андросов отметил обобщающее значение образов „Ревизора“, хотя, в противо-

речи с этой мыслью и с заданиями самого Гоголя, дальше он видит в „Ревизоре“ смех над „исключениями вольными или невольными“.

Откликом демократической критики на появление в 1836 г. „Ревизора“ была статья А. Б. В., критика „Молвы“. А. Б. В. установил, что публика „делится на два разряда огромные“ и что „так называемой лучшей пуликой“ „Ревизор“ мог быть принят только враждебно. Он же дал краткое, но выразительное и содержательное определение „Ревизора“, «этой русской, всероссийской пьесы, возникнувшей не из подражания, но из собственного, может быть, горького чувства автора. Ошибаются те, которые думают, что эта комедия смешна, и только. Да, она смешна, так сказать, снаружи, но внутри это горе-гореваньицо, лыком подпоясано, мочалами испутано. И та публика, которая была на „Ревизоре“, могла ли, должна ли была видеть эту подкладку, эту внутреннюю сторону комедии?..» (Молва, 1835, № 9).

Вопрос об авторе цитированной статьи до сих пор не может считаться решенным. По предположению Л. В. Крестовой, статью напи-

сал Белинский (хотя сам Белинский авторство это отрицал). Несомненно, эту статью имел в виду Гоголь, говоря в „Авторской исповеди“ о „Ревизоре“: „Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть“.

Автентичных откликов Белинского на „Ревизора“ (кроме самых беглых) от этих лет не сохранилось. Подробный анализ „Ревизора“ Белинский дал в позднейшей статье — о „Горе от ума“ (1840). Идея комедии была здесь определена абстрактно, как „идея призрачности“, и наказание „человека призраков“ — городничего — призраком же, „тенью от страха виновной совести“. Уточняя понятие „призрачности“, Белинский приходит к определению более конкретному: „пустота, наполненная деятельностью мелких страстей и мелкого эгоизма“. Наконец, в анализе отдельных лиц и положений комедии Белинский вполне конкретен и очень близок к гоголевским заданиям. Особенно значительно определение „философии“ и „нравственного развития“ городничего, а также — анализ характера Хлестакова; гоголевские герои изображены Бе-

линским не как исключения, а как явления заурядные и типические. Городничий «оправдывает себя простым правилом всех пошлых людей: „не я первый, не я последний, все так делают“». Хлестаков „не умеет думать, он влечется куда и как толкают его обстоятельства“. Эти определения развиты были впоследствии самим Гоголем в его автокомментариях.

Из дальнейших печатных отзывов о „Ревизоре“ наиболее замечательным был отзыв Герцена, с большой энергией указавшего на революционизирующее действие „Ревизора“ (в книге „О развитии революционных идей в России“, 1851). «Никто никогда до него не читал такого полного курса патологической анатомии русского чиновника. С усмешкой на губах, он проникает в самые сокровенные изгибы этой нечистой и злобной души. Комедия Гоголя „Ревизор“, его роман „Мертвые души“ представляют собою ужасную исповедь современной России, подобную разоблачениям Кошихина (Котошихина) в XVII веке» (подлинник по-французски).

В 1836 г., после первых представлений „Ревизора“ и первых печатных откликов, Гоголь,

несмотря на всё разнообразие боровшихся мнений, обратил преимущественное внимание на отрицательные оценки и был этими оценками удручен. Ему казалось, что против него восстали „все сословия“, он писал в письме к Щепкину (от 29 апреля 1836 г.): „Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня“. Даже о „литераторах“ Гоголь говорит суммарно, не отделяя и здесь друзей от врагов. Как известно, этими впечатлениями было вызвано решение Гоголя уехать из России в Рим.

Работа Гоголя над текстом „Ревизора“ возобновилась в 1841–1842 гг. К этому времени закончен был и „Театральный разъезд после представления новой комедии“, развернутый автокомментарий Гоголя к его драматургической практике и, в первую очередь, к „Ревизору“. В существе своем этот автокомментарий не только не отступает от теоретических положений статей 1836 г. о петербургской сцене, но развивает и углубляет их, не противо-

реча самой художественной ткани „Ревизора“. Здесь Гоголь широко использовал журнальную полемику вокруг „Ревизора,“ отзывы о нем как дружественные, так и враждебные. Нападки на „плоскость шуток“, на „сальности“, „несообразности“, „неблагородство тона“, как видно, мало затронули Гоголя: он ограничился приведением мнения Вяземского (не названного, как и все другие участники полемики). Гораздо внимательнее отнесся Гоголь к вопросу о самих принципах построения сюжета на новой — не любовной, а общественной — основе и к вопросу о положительном герое. Немало места уделено и отводу обвинения в клевете на Россию, в возможности „вредного“ влияния.

„Театральный разъезд“ — вещь сложного происхождения. Гоголь работал над ней на большом промежутке времени (март 1836 г. — 1842 г.), и его теория комедии отразилась здесь не в цельном, не в законченном виде, а в эволюции. (См. комментарий к нему в томе V настоящего издания, стр. 490–498.) „Театральный разъезд“ был компромиссом между Гоголем-обличителем и Гоголем-про-

возвестником „примиренья с жизнью“. Эта компромиссность отчасти присутствует даже в произведениях позднего Гоголя. В самих „Выбранных местах из переписки с друзьями“, начатых осуждением собственных сочинений, нет отречения от идеи „высокой комедии“ в смысле комедии общественной. В статье „В чем же наконец существо русской поэзии“, содержание „Недоросля“ и „Горя от ума“ вполне сочувственно раскрыто как „не легкая насмешка над смешными сторонами нашего общества“, — насмешка, в которой вскрыты „раны и болезни нашего общества, тяжелые злоупотребления внутренние“. Конкретные же „раны и болезни“ Гоголем переосмыслены в духе консервативного морализма этих лет; причины „ран и болезней“ усматриваются не в общественной системе, а в каждом отдельном человеке.

То же противоречие обнаруживается в „Развязке Ревизора“, которой Гоголь предполагал в 1846 г. заключить представление „Ревизора“ в пользу бедных. С одной стороны здесь выдвинуто требование, „чтобы... дурное было выражено в таком презрительном виде,

чтобы зритель не только не почувствовал желания примириться с выведенными лицами, но, напротив, желал бы поскорей их оттолкнуть от себя“. Но эти призывы парализованы речью „первого комического актера“, который предлагает видеть в „Ревизоре“ иносказание. Знаменательна также попытка одновременного „Предупреждения“ для актеров — найти смягчающие моменты при обозначении характера городничего („ему некогда было взглянуть построже на жизнь“, „злобного желания притеснять в нем нет“ и т. п.).

„Развязка“ встретила резкий отпор со стороны друзей Гоголя, прежде всего Щепкина, для бенефиса которого и предназначалась. „Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти“, — писал Щепкин Гоголю 22 мая 1847 г.: „нет, я не хочу этой переделки; это люди, настоящие, живые люди, между которыми я взрос и почти состарился... Нет, я их вам не дам, не дам, пока существую. После меня переделывайте хоть в козлов, а до тех пор я не уступлю вам Держиморды, потому что и он мне дорог“ (М. С. Щеп-

кин. Записки его, письма и пр. СПб., 1914, стр. 173–174).

Гоголь вынужден был объясняться и в письме к Щепкину и в новой редакции финала „Развязки“, где доказывалось, что аллегорическое толкование не обязательно, что автор не имел его в виду, а задавался целью изобразить „ужас от беспорядков вещественных, не в идеальном городе, а в том, который на земле...“ Но эта оговорка существенного значения не имела: если корни „беспорядков вещественных“ сказывались не „на земле“, а в душе каждого единичного человека, — комедия тем самым переносилась в план личной проповеди и общественно-разоблачительное значение ее утрачивалось. Практического значения эти оговорки также не имели, так как „Развязка Ревизора“ была запрещена театральной цензурой („Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, I, стр. 167–168 и 202–203; „Переписка Грота с Плетневым“, II, стр. 961–962).

Все эти позднейшие переосмысления не могли, однако, иметь никаких последствий для судьбы „Ревизора“. Последующие поколе-

ния воспринимали художественную ткань „Ревизора“, не считаясь с ними. В классово-идеологической борьбе второй половины XIX и первых десятилетий XX в. наметились два противоположных подхода к нему. Официальная Россия воспринимала комедию с одной стороны как обличение порядков и нравов „дореформенных“, якобы отошедших в далекое прошлое, с другой — как обличение общечеловеческих недостатков (так понималась особенно „хлестаковщина“). Россия демократическая, а затем революционно-социалистическая видела в „Ревизоре“ социально-историческое обобщение, выходящее далеко за пределы „гоголевской эпохи“, но и не расплывающееся в абстрактной „всечеловечности“. Образы Хлестакова, Сквозника-Дмухановского, даже эпизодического Держиморды, осмысливались как отразившие характерные черты не только своей эпохи. К образам „Ревизора“, как гениальным обобщениям, не раз обращались в позднейшей политической борьбе. Не раз прибегал к ним и В. И. Ленин. (См. М. В. Нечкина. Гоголь у Ленина. „Н. В. Гоголь. Материалы и исследования“, вып. II, стр.

551–554, 560–566).

Иллюстрации

1. Н. В. Гоголь. Карандашный рисунок А. А. Иванова. 1845–1846 гг. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

2. Титульный лист рукописи „Ревизора“ с цензурным разрешением к представлению (1836 г.). Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

3. „Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы“. Автограф. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР

4. „Ревизор“. Черновой автограф первой редакции. (Действие первое, явление 1). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

5. „Ревизор“. Титульный лист первого издания

Выходные данные

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редакция издания: Н. Ф. Бельчиков, Н. И. Мордовченко, Б. В. Томашевский

Редактор IV тома Б. В. Томашевский.

Текст подготовил В. Л. Комарович

Комментарии составили В. В. Гиппиус и В.

Л. Комарович

Редактор издательства А. И. Корчагин

Оформление художника Н. В. Ильина.

Технический редактор А. А. Киселева

Корректор В. Г. Богословский

РИСО АН СССР № 4613. Т-07891. Издат. № 3092. Тип. заказ № 136. Подп. к печ. 20/IX 1951 г.

Формат бум. 60×921/16. Печ. л. 34,5+5 вкл. Уч. — издат. 30, 8. Тираж 6000 экз.

Цена в переплете 25 руб.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.

Ленинград, В. О. 9 линия, 12.

Примечания

1

Имя первого комич. актера.

[^^^]

2

По РМ15 вместо окончания первой редакции после слов: „Ну, а что, если это наш же душевный город, и сидит он у всякого из нас?“ (стр. 130).

[^^^]

См. Пушкин. Полн. собр. соч., т. XII, изд. Акад. Наук СССР, 1949) стр. 328.

[^^^]

См. там же, т. XV (1948), стр. 90.

[^^^]

См. Остафьевский архив, т. III, стр. 285.

[^^^]

См. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, IV, стр. 267–268.

[^^^]

См. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VIII, кн. 1, изд.
Акад. Наук СССР, 1948, стр. 431.

[^^^]

Криспин — традиционная маска итальянских комедий. Под этим именем во французских комедиях выводили лакеев-плутов.

[^^^]

„Материалы для биографии Гоголя“, т. I, стр. 364.

[^^^]

См. Сочинения Гоголя, изд. 10, т. VI, стр. 590,
примеч. 1.

[^^^]

См. Полн. собр. соч. Гоголя. Под ред Н. И. Коробки, т. V, стр. 374.

[^^^]

См. выше, стр. 150 и 158.

[^^^]

См. выше, стр. 228 и 271.

[^^^]

См. том X настоящего издания, стр. 379.

[^^^]

См. о ней — Б. П. Городецкий. Описание рукописей Н. В. Гоголя, принадлежавших Пушкинскому Дому. „Литературный архив Института литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР“, 1939, стр. 436.

[^^^]

См. Литературный архив. Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса, 1936, стр. 309.

[^^^]

„Ревизор“. Комедия в пяти действиях. Сочинение Н. В. Гоголя. Первоначальный сценический текст, извлеченный из рукописей Николаем Тихонравовым. М., 1886.

[^^^]

См. 10 изд. Соч. Гоголя, т. II, стр. 652–653.

[^^^]

Под ред. Н. Тихонравова в „Библиотеке для Чтения“ (Бесплатное приложение к журналу „Царь-Колокол“), 1892, № 5, март, стр. 109–230.

[^^^]

Ср. Н. В. Гоголь. Ревизор (в серии „Русские и мировые классики), 1927, стр. IX.

[^^^]

См. Письма, т. II, стр. 365.

[^^^]

П. В. Анненков. Воспоминания. Под ред. Б. М. Эйхенбаума. Изд. Academia, 1928, стр. 28–29.

[^^^]

См. Письма, т. I, стр. 549–550.

[^^^]

См. Письма, т. II, стр. 84.

[^^^]

Там же, стр. 93.

[^^^]

Там же, стр. 96–97.

[^^^]

См. „Москвитянин“, 1841 г., часть II, № 4, стр. 578, 593.

[^^^]

См. „Москвитянин“, 1841 г., часть III, № 5, стр. 37–40.

[^^^]

См. Соч. Гоголя, изд. 10, т. II, стр. 676 и 681.

[^^^]

См. там же, стр. 676.

[^^^]

См. Письма, т. III, стр. 227–228.

[^^^]

См. Письма, т. IV, стр. 23.

[^^^]

Н. С. Тихонравов полагал, что С. Шевырев вносил в *РЦ* произвольные изменения, и что *Тр* воспроизводит эту рукопись. Сличение с другими списками опровергает это. С. Шевырев исправлял списки переписчика, а *Тр* печатал по рукописи, с которой снята копия *РЦ*.

[^^^]

Ревизор. Первоначальный сценический
текст, стр. XLIV–LIX.

[^^^]

Ср. параллели к Сквознику-Дмухановскому, приведенные в заметке Этьена („Театр и искусство“, 1903, № 12). В недавнее время полтавским работником А. Н. Васильевой изучен архивный материал, связанный с процессом Миргородского городничего Браилко (30-е г. XIX в.). Данные процесса являются любопытным реальным комментарием к „Ревизору“.

[^^^]

„Русская Старина“, 1902, июль — август — сентябрь, стр. 100–101.

[^^^]

„Русская Старина“, 1881, № 2, стр. 414–418.

[^^^]